

✓
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР
САМАРКАНДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ**

Самарканд 1987

302.6 1524476
B-448 Борцов
академии
греблей и спорта
1984 656

Министерство высшего и среднего специального образования
Узбекской ССР
Самаркандский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Алишера Навои

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Сборник научных статей

Самарканд 1987

798
ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Сборник научных статей. - Самарканд: изд. СамГУ, 1987. - 59 с.

Работы, включенные в сборник, содержат новейшие научные факты по вопросам, связанным с археологией, древней историей и этнографией Узбекистана. Большое внимание уделяется проблемам экологии, описанию новых археологических памятников, дается историографическое описание очерки по древнейшему и древнему периоду истории республики. Приводятся материалы этнографических исследований. Материалы сборника рассчитаны на специалистов и студентов исторических факультетов вузов.

Редакция:

Проф. Джуракулов М. Дж. (отв. редактор),
доц. Аванесова Н. А., Мукашева Р. Р.

С 10602
М 382(04)-87 I4 - 87

© Самаркандский государственный университет, 1987

Фундаментальная
БИБЛИОТЕКА СамГУ
1527476

кул
Сред
евой
основ
риалы
дного
Абра
кого ре
XIX в.
Компл
рых рабо
листов, та

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник знакомит с новыми интересными археологическими исследованиями, освещает важные исторические вопросы и способствует разрешению некоторых теоретических проблем археологии и древней истории.

Современный уровень развития археологии характеризуется широким привлечением методов естественных наук для решения различных исторических проблем, что является отражением общей тенденции в развитии современного научного знания, когда в процессе интеграции, на стыке различных наук, вскрываются совершенно новые возможности познания изучаемых явлений. Результаты такого содружества нашли отражение в двух статьях данного сборника.

В работе Дхуракулова М.Д., Мамедова Э.Д., Аванесовой Н.А., Трофимова Г.Н. и Хабибулиной О.В. рассматриваются вопросы палеоэкологии древнего человека. Отмечается, что развитие природной среды и человеческого общества в галогене происходило под знаком быстрого расширения и усложнения существующих между ними связей. Комплексный характер исследований позволил не только лучше понять особенности расселения и образа жизни древнего населения Средней Азии, но и пересмотреть прежние позиции в отношении археологических данных как индикаторов палеоклиматических и палеоэкологических условий. В другой совместной статье ставится вопрос о необходимости сохранения в неприкосновенности уникального для пустынной зоны СССР археологического и природного памятника — группы Лявляканских озер в Каракумах.

В работе Павчинской Л.В. изложен опыт реконструкции духовной культуры народов Согда по оссуариям. Историческому обзору неолита и бронзы посвящено исследование Холматова Н.У. Статья Каршиной Ф.М. раскрывает одну из страниц развития древней Согдианы на основе опубликованных материалов городища Еркурган. Строительные материалы и конструктивные приемы при постройке жилищ в степных районах Узбекистана рассматривает Ибрагимов О.И. и Кубаков К.К.

А.М. на основе ряда источников освещает развитие ткацкого производства Самарканда в XVI — первой половине XVII столетия. Данное исследование поставленных вопросов, новизна которого представляет несомненный научный интерес как для специалистов и для широкого круга читателей.

М. Д. Джуракулов, Э. Д. Мамедов,
Н. А. Аванесова, Г. Н. Трофимов,
О. В. Хабибулина

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ЧЕЛОВЕК В ГОЛОЦЕНЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В взаимоотношении природы и человека писали еще в древнем мире. Философские проблемы взаимодействия природы и человека отражены и в теоретическом наследии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В них отмечается, что природная среда непосредственно влияет на условия существования человека, однако характер изменений природы, а главным образом в связи с развитием человека как биологического и социального существа.

Впервые мысль о единстве отношений людей друг к другу и к природе высказывается К. Марксом и Ф. Энгельсом в "Немецкой идеологии" (I, с. 37). Этот вопрос для нас является и по сей день очень значительным.

В нашей науке долгое время проблеме взаимодействия человека с природной средой и особенно - влияния природы на общественное развитие уделялось мало внимания. География стала, по выражению Н. Н. Баранского, "бесчеловечной", а представители социальных наук сторонились этой темы, опасаясь впасть в географический детерминизм" (2, с. 24; 3, с. 3-13).

Интерес к проблемам взаимоотношения человека и природы начинает проявляться в 60-е годы и возрастает в 70-е и в начале 80-х годов в связи с заметным усилением опасности катастрофического повреждения природной среды и предсказаниями возможных последствий этого для человечества.

Как известно, восстановление истории плейстоцена аридных стран вообще, а голоцена в частности, связано с целым рядом объективных трудностей. Это - часто непредставительный характер геологических разрезов, скудость датирующего материала, невозможность или весьма суженные рамки применения некоторых традиционных методов палеогеографического анализа и др. В пустынных районах особенно большие трудности создает недостаток палеонтологических данных, в том числе - палинологических данных. В аэлювии пересекающих пустыни древних речных долин и дельт встречаются не только разрозненные остатки растений и животных, но и достигающие полуметровых

шла лишь с
памятниках
минаемые и
при и други
тысячелетия

вой мощности торфяные прослойки и скопления раковин моллюсков. Однако видовой состав этих остатков характеризует интразональную, всегда в той или иной мере консервативную среду обитания. К числу перспективных палеобиогеографических методов изучения голоцена пустынь, как показали Л.М. Чиж и Т.К. Каржауз /4 с. 22-24/, относится анализ диатомовой флоры из древних озерных отложений.

Недостаток палеонтологических данных для палеогеографического анализа в аридных областях заставляет исследователей обращаться к другим показателям прошлого ландшафтных обстановок: геоморфологическим, геологическим /литолого-фаціальным/ и почвенно-геохимическим. За последние полтора-два десятилетия на территории Средней Азии был осуществлен значительный объем археологических исследований. Комплексный /междисциплинарный/ характер этих исследований позволил не только лучше понять особенности расселения и образа жизни древнего населения этой обширной области, но и рассмотреть прежние позиции в отношении археологических данных.

Напомним, что Л.С. Берг /5, с. 168-169/ не был склонен придавать археологическим памятникам палеоклиматического значения, указывая, что приводимые исследователями факты о разрушенных крепостях и городах, заброшенных ирригационных системах и т.п. свидетельствуют скорее всего о социально-экономических потрясениях, об ухудшении климата азиатских и других засушливых стран. Это же Л.С. Берг поддерживал С.П. Толстов /6, с. 43-56/, К.К. Марков /7, с. 248-265/, В.А. Николаев, Марков К.К., Лазуков Г.И. /8, с. 115/ и ряд других авторов. В.И. Попов также писал, что древности и города разрушались по общественно-политическим причинам, хотя и не во всех случаях. Он отметил, что "Идущие сотни километров обширные ирригационные системы и обширные долины древнего Балха, Мерва и других городов кажутся явно ответственными незначительному современному дебиту рек, степей северных склонов малоснежного ныне хребта Гиндукуш"

указывает, однако, подчеркнуть, что в работах Л.С. Берга речь идет об определенной категории археологических памятников - исторической эпохи. Нетрудно убедиться, что все упомянутые памятники Центральной, Передней и Средней Азии, Греции и т.д. относятся к интервалу времени от середины I тысячелетия н.э. до средневековья, то есть к периоду славянских

Вопрос этот весьма сложен и решение его следует искать в области взаимоотношений природной среды и первобытного человека. Современное представление в отношении последней проблемы И. П. Герасимов и А. А. Величко резюмируют следующим образом: "...Существование коррелятивных связей между некоторыми основными явлениями в развитии природы, человека и его материальной культуры в первобытную эпоху приводит к общему выводу о том, что динамика изменений окружающей природной среды оказывала определенное влияние на развитие самого человека и общества. Эта роль, конечно, не являлась ведущей. Биологические и социальные закономерности лежали в основе формирования человека и развития общества" /Указ. раб., с. 15/ Приведенная цитата дает ответ на поставленный выше вопрос. Если изменения природной среды влияли на развитие первобытного общества, то памятники первобытной эпохи должны до известной степени отражать эти изменения, нести определенную палеогеографическую и, в частности, палеоклиматическую информацию.

Климат, как указывает Г. И. Лазунов, является главным компонентом среды, оказывающим наиболее сильное влияние на особенности хозяйства. "Его влияние на человека проявляется не столько само по себе /тепло, холодно, сухо, влажно/, сколько через посредство растительности и животного мира, т. е. главных объектов охоты и собирательства. Зависимость человека от этих компонентов по мере углубления в древность возрастала. Поскольку растительность и животный мир имеются во всех областях обитания палеолитических людей в достаточном для пропитания количестве /особенно учитывая малую численность населения/, то это не могло служить главными "ограничителями" расселения людей. Главной же причиной этого был климат, очень существенно меняющийся от зоны к зоне, от эпохи к эпохе" /10, с. 19/.

Важнейшим признаком изменения климата и смещения ландшафтных зон является сокращение или, наоборот, расширение ареалов распространения доисторических культур. Это весьма убедительно было показано на примере Северной Америки /11, с. 457-466 /. Как вспомогательный этот метод был применен Э. Д. Мамедовым и С. Г. Батулиным /12, с. 222-229/ в процессе реконструкции ландшафтно-климатической обстановки среднеазиатских пустынь в эпохи палеолита и неолита. Одним из признаков изменения климата, помимо из-

Д ж
на террито
мат. Начал
стадиями по
арид охваты
гышлакское в
доров писал:
равномерно, с
шимися и поло

менения ареалов древнего расселения, является смена самого характера культур, например, лесных-скотоводческо-земледельческими. Это пока слабо исследованный аспект проблемы рассмотрен О.Н. Бадером /13, с.225-229/. Приведенные примеры, по всей вероятности, далеко не исчерпывают возможностей археологического метода. Однако усовершенствование его требует специальных картин требующего-палеогеографических показателей. Само собой разумеется, что воссоздание полной и объективной палеоклиматической картины требует комплексного применения различных показателей.

Исследователи аридных районов СССР, располагая весьма ограниченной информацией в дискуссии по голоценовой истории региона, не могли, естественно, участвовать в лексиконе местных специалистов всего лишь 10-летняя граница, объем и периодизация голоцена. Кстати, и сам термин "голоцен" появился в лексиконе местных специалистов всего лишь 10-15 лет тому назад. Первая дробная стратиграфическая шкала голоцена была разработана для низовьев Зеравшана /14, с.142-148/. Эта шкала коррелировалась с четырехчленной шкалой возраста подразделения М.И. Нейштадтом /15, с.84/. Для обоснования голоцена, предложены были использованы археологический материал, к которому затем добавились две радиоуглеродные даты /16, с.267-269/.

Сопоставление основных этапов голоценовой истории Средней Азии и европейским голоценом обнаруживает совпадение двух важнейших переломных рубежей /табл. I/. Это - рубеж между ранним и средним голоценом по уточненной шкале М.И. Нейштадта и Н.А. Стеклова, /17, с.10-11/ и рубеж около 4000 лет назад, известный под названием атлантического максимума /18, с.211-212/. Таким образом, проблема корреляции голоцена в приципе, по крайней мере в пределах рассматриваемого региона, разрешается. Исходя из изложенных выше положений можно предложить следующую схему голоценовой истории рассматриваемого региона.

а) н а к с к и й а р и д. В конце позднего плейстоцена в Закаспийских равнинах установился холодный и сухой климат этой фазы следует, вероятно, коррелировать с главными фазами голоценовой шкалы /19, с.85/ джанакский, по-видимому, позднехвалынский век /конец?/ и мангочский. Касаясь событий этого времени на Каспии П.В. Федосеев "...регрессия верхнехвалынского моря происходила не только в виде довольно продолжительных остановок, сопровождаемых значительными подвижками уровня. Основываясь на данных о

таких задержках в линиях этого моря, можно говорить
в них -12 /16/ и -16 /12/ м, не считая уровня его максимального рас-
пространения. Кроме того, к самому концу этого времени надо отнес-
ти низкое стояние уровня моря на отметках до -40 /-12/ м, кото-
рое реконструируется на основании затопленных в настоящее вре-
мя береговых форм /20, с.279/. И далее: "Снижение уровня моря бы-
ло связано с общей аридизацией климата и связанным с ней уменьше-
нием стока вод с суши и увеличением испарения" /там же, с.279/.
Об аридизации климата, по П.В.Федорову, свидетельствует значитель-
ное развитие эоловых процессов в конце позднехвалынского века и в
позднехвалынское время /с.242, 243, 280/. Однако, по его мнению,
климат этого времени был не только засушливым, но и жарким. Пос-
леднее, однако, не согласуется с общей палеогеографической концеп-
цией позднечумовского времени и с палеогеографическими данными, по-
лученными в последнее время в Аральской впадине.

В Аральской впадине установлены следы 7 уровней моря. Это тер-
раса на абсолютной отметке 72-73 м, древнеаральская терраса /абс.
высота 57-58 м/ позднеаральская терраса /абс.высота 54-55 м/, тер-
раса, соответствующая максимальному уровню современной стадии -
53 м; и береговые линии на абсолютных отметках 43, 0-44,4, 0-41,0
и 35,5-36,0 м. Кроме того, по колонкам, взятым в заливах Паскеви-
ча и Тце-Бас на абсолютном уровне около 31 м, И.Г.Вайнбергом и
В.Я.Стелле выделены донные осадки так называемой "паскевичевской"
стадии развития Аральского моря. Паскевичевская стадия, по И.Г.Вайн-
берсу и В.Я.Стелле /21, с.176-177, 180/, стадия устойчивой про-
должительной регрессии моря, в то время как три последующих более
высоких уровня связаны, скорее всего, с этапами стабилизации уров-
ня моря во время его подъема после паскевичевской стадии.

Осадки Паскевичевского бассейна изучены пока что в немногих
пунктах. Они представлены, по И.Г.Вайнбергу и В.Я.Стелле, толщей
глин с прослоями солей и гипса. Вскрытая мощность толщи колеблет-
ся от нескольких десятков сантиметров до одного метра. Формирова-
ние отложений паскевичевской стадии, по мнению указанных авторов,
охватывает поздний плейстоцен и ранний голоцен. При этом, учиты-
вая большой разброс абсолютных дат, полученных для солей из отло-
жений паскевичевской стадии, И.Г.Вайнбергс и В.Я.Стелле ориентиру-
ются, главным образом, на палинологические данные и общие положе-
ния об изменении растительности в позднем плейстоцене и голоцене.

т
т
в
пр
одн
бас
рай
ди
низ
харак
являет
ков во
времен
вах до
Ни
ному. Со
него пле

Уточнение хронологических рамок паскевической регрессии потребует, по-видимому, еще определенного времени. Однако указываемый И.Г.Вайнбергсом и В.Я.Стелле верхний хронологический рубеж уже может быть несколько конкретизирован в этом регионе. Так, А.В.Виноградов /22, с.33-35, 19-40/, основываясь на отсутствии в этих районах сколько-нибудь выразительных мезолитических материалов /за исключением заключительного этапа мезолита/, и, наоборот, - обилии памятников неолитического времени, датировал порелом от неблагоприятных для существования и расселения первобытного человека климатических условий и водообеспеченности территории /паскевическая стадия/ к относительно влажному теплему климату льяляканского плиоцена УП-УІ /или УШ-УП/ тысячелетиями до н.э.

В построениях И.Г.Вайнберга и В.Я.Стелле слабо освещен вопрос о границах и уровне Паскевического бассейна. Упоминается лишь, что он характеризовался очень низким уровнем и что Арал во время этой стадии распался по крайней мере на два самостоятельных водоема - бассейн Малого моря и бассейн, занимающий остальные вододелины. "Береговые образования этих бассейнов, - пишут И.Г.Вайнбергс и В.Я.Стелле, - следует искать батиметрически ниже известных затопленных береговых образований" /Указ.раб., с.178/. С последним, однако, вряд ли можно согласиться, если учесть, что даже внутриводные колебания уровня Аральского моря достигают 3 м. Тем более трудно представить замкнутый морской бассейн, уровень которого в одном и том же узком интервале абсолютных высот 31-36 м. Более авдоподобным, на наш взгляд, было бы рассматривать в качестве бассейна из самых низких квазистационарных уровней Паскевического бассейна береговую линию на абсолютных отметках 35,5-36,0 м, которую развил И.Г.Вайнбергсом и В.Я.Стелле к "таранглыкской" стадии развития Арала. Тем более, что для споро-пыльцевых спектров "паскевических" и "таранглыкских" отложений в равной мере отчетливо присутствие спор зеленых мхов. Более того, последнее обстоятельство является серьезным препятствием для отнесения таранглыкских осадков к голоценовым образованиям, так как для осадков этого периода споры зеленых мхов в сколько-нибудь значительных количествах пор не отмечались.

В соответствии с вышеизложенным можно трактовать по-разному Паскевического бассейна по схеме А.С.Кесь, в конце позднего голоцена и в течение значительной части голоцена водами

дарьи стекали в Сарыкамышскую впадину и далее по Урбю в Каспий; в Арал же в это время несла свои воды одна Сырдарья. Думается, однако, что не последнюю роль в водном балансе Паскевического бассейна играла и сама климатическая обстановка территории и, в частности, слабый сток /23, с. 53/.

Г.Н.Трофимов рассчитал водный баланс Паскевического бассейна. В качестве конечного члена уравнения водного баланса было получено испарение для теплого и холодного сезонов года. По величинам испарения, используя региональные связи между температурой воздуха и испарением, были получены оценки средних температур теплого /IX-X/, холодного /XI-III/ периодов. По величинам испарения были также рассчитаны абсолютная и относительная влажность воздуха. Для атмосферных осадков были приняты современные соотношения между осадками и речным стоком в размере 13,2% (аппроксимация связей стока с осадками линейной формы принята практически во всех расчетных схемах).

Как видно, в паскевическое время в районе Аральского моря существовал сухой и холодный климат, характерный для перигляциальных областей. Этот климат характеризовался весьма низкими температурами /средняя температура января оценивается в $-18,6^{\circ}$ и прохладным летом /средняя температура июля всего $+4^{\circ}$ /. По температурному режиму это был климат близкий климату современной тундры. С последним его сближает и ничтожное количество атмосферных осадков. Заметим, что джанакская холодная климатическая фаза находит многочисленные геологические, палеонтологические и археологические подтверждения. Весьма показательны, в частности, найденные на северном берегу Аральского моря останки такого специализированного кладобивого животного, как мамонт.

Горная область Средней Азии в течение голоцена не испытала существенных поднятий. Максимальная величина голоценовых движений оценивается А.А.Никоновым /24, с.24-36/ в 50-100 м. Поэтому сокращения и увеличения площади горного оледенения, изменения в структуре высотной географической поясности Тянь-Шаня и Памир-Алая, происходившие в течение этого времени, имели в своей основе планетурную природу. В древне-раннем голоцене /12-8 тыс. лет назад/ климат высокогорий Памира, и, по-видимому, более низкого уровня гор оставался холодным ультрааридным, растительность была пустынной

*Мемедов Э.Д., Трофимов Г.Н. Палеоклиматические модели бассейна Арала /по водобалансовым расчетам/. Доклад на совещании "Климатические изменения в позднеледниковье и голоцене" -Ин-т географии АН СССР, декабрь 1984.

и криофильной /25, с.24/. Однако последовавшее за максимальной фазой позднеплейстоценового оледенения некоторое повышение летних температур привело к сокращению ледников. Мезолитический человек жил на Восточном Памире в очень суровых климатических условиях. Скорее всего люди приходили сюда только летом с целью охоты /26, с. 203/.

Лявляканская пльвиальная эпоха.

Впервые об относительно влажной климатической эпохе, получившей впоследствии название лявляканского пльвиала, было упомянуто в 1966 г. /27, с.11/. Само же название "лявляканский пльвиал" получило распространение с 1972 г. /14, с.142-148/. В настоящее время этот пльвиальный период охарактеризован в большом числе публикаций /28,29,30/.

Изменение климата от холодного и сухого к теплomu и относительно влажному произошло приблизительно 8 тыс. лет назад. По мнению большинства исследователей Каспия, к этому времени относится начало новокаспийской трансгрессии /31, с.21/. Развитие ее, по В.П.Федорову, происходило в несколько - не менее 3-4 - фаз. Цитированный автор подчеркивает климатическую природу трансгрессий Каспия и полагает, что они соответствовали влажным и прохладным эпохам.

История развития Аральского моря в конце раннего-среднем голоцене недостаточно изучена и является предметом оживленной полемики. В ряде пунктов на западном и северном берегах Аральского моря М.И.Епифановым /32/ и другими исследователями описана терраса высотой 72-73 м. В связи с этим П.В.Федоров /31, с.21/ присоединяется к мнению С.О.Хондкариана о существовании водораздела на юго-востоке Аральской впадины, димитировавшего столь высокий уровень бассейна и впоследствии размытого. Имеются основания полагать, что бассейн 70-метрового уровня существовал весьма непродолжительное время. Высказавший эту мысль С.О.Хондкариан /личное сообщение/ аргументировал ее, в частности, тем, что терраса этого уровня плохо выражена и плохо сохранилась. С этих позиций трансгрессивные уровни 72-73 и 57-58 м следует, по-видимому, относить к одной - древнеаральской - стадии развития Арала, так как снижение уровня моря до отметок 57-58 м было результатом возникновения стока и пропила перемычки, а не изменившихся гидроклиматических условий. Вопрос о времени древнеаральской трансгрессии - один из самых дискуссионных вопросов в проблематике Арала. 72-метровая терраса, как и более низкие, содержит *Cardium edule* L. или *Cerastoderma lamarski* (Reeve),

линах рек. Из представителей фауны этого времени, обитавших на равнинах и в предгорьях, следует указать прежде всего тура - обитателя лесной и лесостепной зон. Костные остатки первобытного тура были обнаружены при раскопках ранненеолитической стоянки Учачи I31 в районе гор Кульджуктау и еще четырех пунктах в Кызылкумах (см. /22,30/). Всего подобных находок на территории Средней Азии сейчас известно около десяти. Расселение туров в среднеазиатских пустынях в среднем голоцене нельзя объяснить иначе как благоприятными изменениями экологической обстановки.

Ландшафтно-климатические условия лавляканского плейстала благоприятствовали широкому расселению в Каракумах, Кызылкумах и на Устюрте первобытного человека. Наиболее высокая концентрация древнего населения установлена в двух районах: в окрестностях оз. Лавлякан и в южной части Кызылкумов, обводнявшейся пр.-Зеравшаном. По берегам лавляканских озер было обнаружено свыше ста стоянок неолита и бронзового века и около 300 пунктов с находками этого и более позднего времени (см. /29/). Более 30 местонахождений было обнаружено в районе Букантау, Кокпатис и Тамдытау (см./27/). Материалы этих местонахождений охватывают значительный хронологический промежуток - от У1-У до II тыс. до н.э. Крупная серия разветвленных стоянок, давших значительное количество изделий из кремня, была открыта в центральной части Каракатинской впадины в районе кол. Азбек. Стоянка относится к разным этапам неолита; имеются редкие находки керамики эпохи степной бронзы. Одновременно шло освоение и других пустынных районов Средней Азии: Устюрта /41, с. 18-78/, Заунгузских Каракумов и др. Таким образом, на протяжении У1-II тыс. до н.э. первобытный человек обжил практически всю территорию равнин Средней Азии.

Высокогорная область Памира в среднем голоцене оставалась сухой и аридной (см./9/). На более низком уровне гор и в предгорьях /Дарвоз, хребет Петра I, Гиссарский хребет/ во всех изученных разрезах отражено общее понижение температуры и некоторое увлажнение в период 8-5 тыс. лет назад. На склонах этих гор произрастали лесные формации из березы, сосны, арчи, ольхи и др., а в долинах расширились площади, занятые лугово-разнотравными ассоциациями. Ранее высказывавшееся мнение о повсеместном сокращении оледенения и даже исчезновении горных ледников в период 7500-2500 лет назад /42, сс. 127, 132/, не нашло подтверждения. В результате последующих исследований в гляциальном поясе Памиро-Алая было установлено, что ледниковые языки продвигались в среднем голоцене на расстояние до

5-7 км /43, -44/.

Тубелекский арид. На рубеже III и IV тысячелетий до н.э. устанавливается сухой и жаркий климат современного типа. Ухудшение климатической обстановки сопровождалось исчезновением или засолением озер, распадом крупных речных систем (Амударья/ усилением эоловых процессов и резким сокращением численности населения на территории современных пустынь Каракумов, Кызылкумов и Устюрта. Имеются основания полагать, что климат этой сухой фазы не был монотонно аридным, а несколько колебался в сторону большей или меньшей засушливости. Свидетельством этого является султансанджарский /санджарский/ микропльвиал.

Санджарский микропльвиал. Время между XIII /или XIV/ веком и первой половиной XIX века н.э. известно в Европе и в Северной Америке под названием "малой ледниковой эпохи". Похолодание малой ледниковой эпохи в горах Средней Азии выразилось в увеличении длины ледников и площади оледенения, которое достигло кульминации к середине XIX в. н.э. (см. /45/).

В равнинной части региона похолодание, уменьшение испарения и, возможно, небольшое увеличение количества атмосферных осадков обусловило многочисленные и разнообразные изменения в ходе природных процессов. Увеличился объем речного стока; старорецье Сырдарьи - Жанадарья несла в Арал почти в два раза больше воды, чем современная река /до зарегулирования стока/. Воды полноводной Амударьи затопили Сарыкамьшскую и Ассаке-Ауданскую впадины до абсолютных отметок 57-58 м, в результате чего вновь возник сток вод по Узбою в Каспий. Уровень Каспийского моря поднялся на 6-6,5 м /43/.

Изменение климата затронуло процессы почвообразования и отразилось на характере и состоянии растительного покрова области. Отмечается, в частности, развитие древесно-кустарниковых ассоциаций по долинам и оврагам Северного Прикаспия. В состав этих ассоциаций входили - дуб, ясень, липа, осина, вяз, тополь, яблоня, клен татарский и др. /46, с.64-66/. В пустыню проникли нехарактерные для нее представители фауны - тарпаны, сайгаки, тигр и др.

Переход от рабовладельческой к феодальной системе производственных отношений, произошедший в IV-X вв. н.э., имел важнейшее значение для расширения ирригационного строительства и поливных площадей в Средней Азии, роста городов и развития ремесел. Однако в дальнейшем этому в немалой степени способствовало и весьма благоприятное изменение общей экологической обстановки. Не случайно

Таблица I

Климатохронология голоцена Средней Азии, история горного оледенения и этапы развития Аральского моря

Подразделение голоцена	время, лет назад	Региональная палеоклиматическая шкала	Динамика оледенения	История Аральского моря
Поздний	1000	Термезкая фаза	Фаза отступания	Новоаральский бассейн Регрессия
	2000	Санджарский пльвиал	Рост ледников	
	3000	Тубелекский арид	Сокращение площади оледенения и длины ледников	
	4000			
Средний	5000			Древнеаральский бассейн
	6000	Джамбланский пльвиал	Развитие оледенения и увеличенные ледников	
Ранний	7000			Древнеаральский бассейн
	8000			
Древний	9000			Паскевический бассейн
	10000	Джанакский арид	Стадия распада оледенения	
	11000			Джузбойская фаза

Таблица составлена Э. Д. Мамедовым и О. В. Хабидуллиной

именно в XII-XIV вв. н.э. орошение достигло максимального развития. Общая площадь земель древнего орошения в низовьях Амударьи и Сырдарьи достигла 4-4,5 млн.га. Одновременно с развитием орошения на равнинах Средней Азии происходил рост населения, и городов. При этом плотность населения в средние века в ряде районов была значительно выше, чем в античности.

Термезская ксеротермическая фаза. В середине XIX века установился климат современного типа. Это повлекло за собой сокращение площади горного оледенения, исчезновение большого числа мелких озер, развитие процессов опустынивания: засоление почв, дефляции и др.

Изложенные представления нуждаются, конечно, в дальнейшем развитии и обосновании. Разработка более полной схемы новейшего этапа развития природы аридных территорий позволит значительно лучше понять условия существования и особенности древнего расселения человека в этих областях. Вместе с тем, это позволит подойти к научно обоснованным оценкам предстоящих изменений окружающей среды и их влияния на хозяйственную деятельность человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. К.МАРКС, Ф.ЭНГЕЛЬС. Фейербах. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд., т.3.
2. БАРАНСКИЙ Н.Н. Краткий курс экономической географии. М., 1949.
3. КОЗЛОВ В.И. ПОКИШЕВСКИЙ В.В. Этнография и география. "Советская этнография. 1973, № 1.
4. ЧИЖ Л.М., КАРЖАУВ Т.К. Диатомитсодержащая порода из современных солончаковых отложений Центральных Кызылкумов. Узбекский геологический журнал, 1977, № 1.
5. БЕРГ Л.С. Климат и жизнь. -М.: ГИЗ, 1922.
6. ТОЛСТОВ С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948, с.43-56.
7. МАРКОВ К.К. Очерки по географии четвертичного периода. М.; Географиз, 1955.
8. МАРКОВ К.К., ЛАЗУКОВ Г.И., НИКОЛАЕВ В.А. Четвертичный период /ледниковый период - антропоген/. т. II, М.: Изд-во МГУ, 1965.
9. ПОПОВ В.И. Литология кайнозойских моллас Средней Азии. Ташкент Изд-во АН УзССР, 1954, с.456.
10. ЛАЗУКОВ Г.И. Взаимоотношение географической среды и палеолитического человека. -В кн.: Первобытный человек, его материаль-

Фундаментальная
БИБЛИОТЕКА СамГУ
1527476

- ная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. -М., 1974.
11. АЛЪМАН А. Доисторическая Африка. -М.: Иностранная литература, 1960.
  12. МАМЕДОВ Э., БАТУЛИН С.Г. Палеогидрологическая обстановка и древнее расселение человека в пустынях Средней Азии. -В кн.: Палеоэкология древнего человека. -М.: Наука, 1977.
  13. БАДЕР О.Н. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология. -В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. -М., 1974.
  14. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э.Д. Стратиграфия четвертичных отложений низовьев Зеравшана и Юго-Западных Кызылкумов в свете новейших геологических и археологических исследований. -Бюлл. Комиссии по изуч. четверт. периода. -М.: Наука, 1972.
  15. НЕЙШТАДТ М.И. Голоцен на территории СССР. - В кн: Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. т.1. -М.: Изд-во АН СССР, 1961.
  16. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э.Д., СУЛЕРЖИЦКИЙ Л.Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов. - Советская археология, 1977, № 4.
  17. НЕЙШТАДТ М.И., СТЕКЛОВ Н.А. О некоторых терминах голоцена и его подразделений. - В кн.: XI Конгресс ИАНВ. Москва, август 1982г. Тезисы докладов, т.П, М.: 1982, с.233. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамш, Узбой /история формирования и заселения/. Материалы Хорезмской экспедици. вып. 3, М.: Изд-во АН СССР, 1960, с.22.
  18. ДОЛУХАНОВ П.М., ХИТИНСКИЙ Н.А. Палеографические рубежи голоцена и мезо- неолитическая история Европы. - В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. -М.: 1974.
  19. ФЕДОРОВ П.В. Подразделение казарских отложений и их положение в шкале каспийского плейстоцена - Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Отдел геологический. -1972, № 2.
  20. ФЕДОРОВ П.В. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря - Тр. Геол. ин-та АН СССР, вып.10. -М.: Изд-во АН СССР, 1957.
  21. ВАЙНБЕРГС Г.И., СТЕЛЛЕ В.Я. Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря и их связь с изменениями климатических условий этого времени. - В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. -М.: Наука, 1980.
  22. ВИНОГРАДОВ А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981, с.33-35, 19-40.
  23. ЛЕБЕДЕВА И.М. Палеогляциологическая оценка двух концепций оледенения гор Средней Азии в позднем плейстоцене и голоцене - В кн.: Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. -М.: Наука, 1982.
  24. НИКОНОВ А.А. Определение скорости врезания рек. - Геоморфология, 1973, № 1.
  25. ПАХОМОВ М.М. Палеогеография гор Востока Средней Азии в позднем кайнозое и вопросы флорогенеза /по материалам спорово-пыльцевого анализа/. Автореф...д.и.н. дисс. -М., 1982.

26. ЛЕВЕДЕВА И.М. Природные условия обитания мезолитического человека на Восточном Памире. - В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. -М.: 1974.
27. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э. Комплексные археолого-географические исследования в районе Лявляканских озер /Внутренние Кызылкумы/. - В кн.: Тезисы докладов Пленума Института археологии 1966, -М., Изд. МГУ, 1966.
28. ВИНОГРАДОВ В.А., МАМЕДОВ Э.Д., СТЕПАНОВ И.Н. О древних почвах в песках Кызылкумов. - Почвоведение, 1969, № 9, с.33-45.
29. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М.: Наука, 1975, с.234-255.
30. МАМЕДОВ Э.Д. К проблеме пловияльных палеоклиматов пустынь СССР. - В кн.: Вопросы физической географии и агроклиматологии Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ им.В.И.Ленина, № 752. -Ташкент, 1978, с.40-49; Он же: Динамика природных процессов на равнинах Средней Азии в плейстоцене. - В кн.: Вопросы природоведения Средней Азии. Сборник научных трудов Ташгу им.В.И.Ленина, № 591. -Ташкент, 1979, с.17-30; Он же: Плейстоценовый этап геологического развития пустынной зоны СССР /центральные районы/. Автореф. ...д.и.н. -М., 1980, с.46.
31. ФЕДОРОВ П.В. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала - В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980.
32. ЕФИМАНОВ М.И. О террасах Аральского моря. - Труды Союз. геолого-поисковой конторы, вып. 2-М.: 1961.
33. ЯНШИН А.Л. Геология Северного Приаралья. М.: Изд-во МОИП, 1963, с.643.
34. Кась А.С. Палеогеография Аральского моря в позднем плейстоцене и голоцене. - В кн.: Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое, ч.П. Изд-во МГУ, 1983, с.103.
35. МАЕВ Е.Г., МАЕВА С.А., НИКОЛАЕВ С.Д., ПАРУНИН О.Б. Новые данные по голоценовой истории Аральского моря. - В кн.: Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. ч.П. -М.: Изд-во МГУ, 1983.
36. СЕРЕБРЯННЫЙ Л.Р., ПШЕНИН Г.Н., ПУННИНГ Я.М. Оледенения Тянь-Шана и колебания уровня Арала /поэтапный анализ событий позднечетвертичной истории Средней Азии/ Изд. АН СССР Сыр.геогр., 1980, № 2, с.52-65.
37. ШИТНИКОВ А.В. Арал в голоцене и природные тенденции его эволюции. - В кн.: Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое, ч.П. -М.: Изд-во МГУ, 1983.
38. ФЕДОРОВ П.В. Некоторые вопросы палеогеографии Каспия и Арала в позднем плиоцене и плейстоцене. - В кн.: Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое, ч. I. -М.: Изд-во. МГУ, 1983.
39. ХОНДКАРИАН С.О. Трансгрессивные фазы развития Аральского бассейна в голоцене - В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене /тезисы докладов/. М.: Ротапринт, 1977.
40. ВРОНСКИЙ В.А. Маринопалинология и палеогеография южных морей СССР в голоцене. -Автореф. ...д.и.н. -Баку, 1983.

41. БИЖАНОВ Е. Неолитические памятники Устюрта. - В кн.: Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. -Ташкент: 1978.
42. ГЕРАСИМОВ В.А. Тенденции развития горных ледников северного полушария в последледниковое время. -Труды Высогогорного геофиз. ин-та, в.18, Снег и снежные лавины. -Л.: Гидрометеиздат, 1972.
43. НИКОНОВ А.А., ПАХОМОВ М.М., РАНОВ В.А., РЕГГАРТЕН Н.В. Природная обстановка времени обитания верхнепалеолитической стоянки Шугноу и вопросы первоначального заселения Памира - В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене -М., 1974, с.190-196.
44. НИКОНОВ А.А., ФИНЬКО Е.А., ПАХОМОВ М.М., ШУМОВА Г.М., ЕРШОВА Л.Н. Новые данные по голоцену горных районов Средней Азии. -ДАН СССР, т.257, 1981, № 1, с.193-197.
45. ВАРУЩЕНКО А.Н., ВАРУЩЕНКО С.И., КЛИГЕ Р.К. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене. - В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. -М.: Наука, 1980, вкл. к с.79.
46. АБРАМОВА Т.А., ТУРМАНИНА В.И. Палеогеографическая обстановка Северного Прикаспия в последнем тысячелетии /по палинологическим и фитоиндикационным данным/. - В кн.: Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозой, ч.1. М.: Изд-во МГУ, 1983, с.64-66.

Л.В.Павчинская

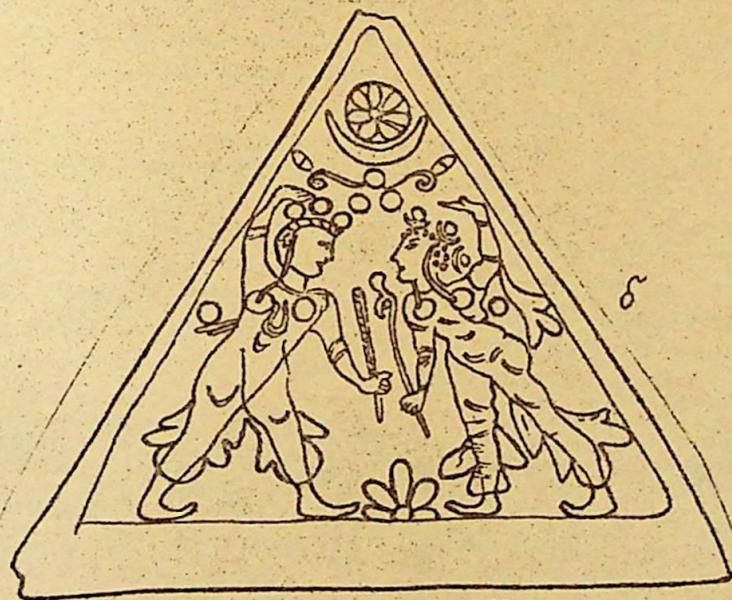
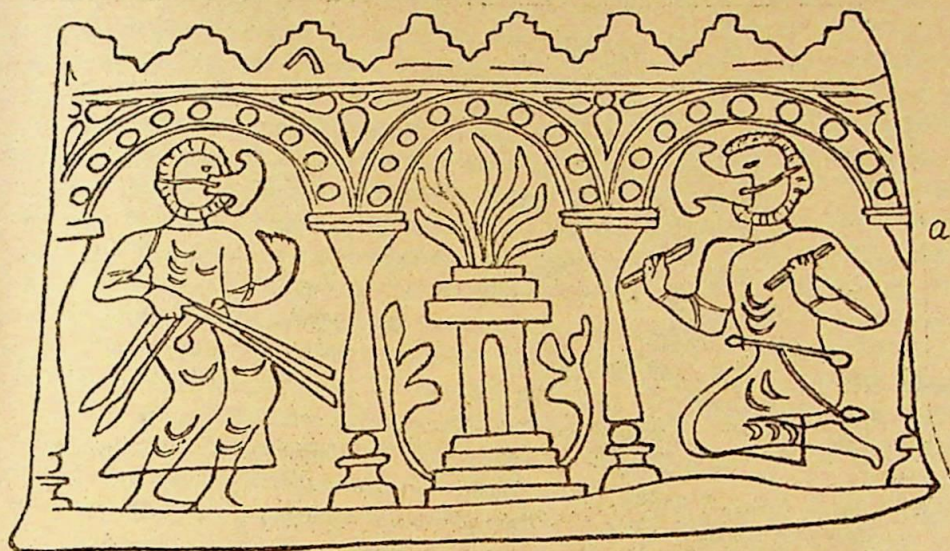
К ИСТОЛКОВАНИЮ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА МАЛАКУРГАНСКОМ ОССУАРИИ

Статья посвящена раннесредневековому оссуарию из кишлака Мулла-Курган (Центральный Согд, рис.1), найденному при строительных работах в 1976 году в Самаркандской области Акдарьинского района на тепе Мулла-Курган /32, с.3/

Стенки оссуария и грани крышки¹ украшены рельефными изображениями, которые выполнены оттиском в односторчатой матрице. Верх стенок увенчан ступенчатыми и треугольными зубцами. Рельефную композицию на стенках оссуария (рис. 1 а) составляет тройная аркада. Архивольты арок украшены перлами, тимпаны - изображением четырехлепестковой полурозетки. В центральной арке изображен высокий выросший алтарь с четырехступенчатым основанием и трехступенчатой верхней площадкой, над которой поднимаются семь языков пламени. По обе стороны алтаря, в боковых арках, расположены две мужские фигуры, обращенные лицом к нему. Бородатые лица прикрыты повязками,

1. Размеры: стенок оссуария: 52x25x34 см.; крышки: 46x20x39 см.
На крышке, на боковых гранях по одному отверстию: Д-2 см.

0 10 см.

Рис. I. Оссуарий из Муллакуртана /прорисовка/:
а) деталь низа; б) деталь крышки.

напоминающими лезвие алебарды. Одежда состоит из рубахи и шаровар из тонкой ткани, драпирующейся мягкими складками. Персонаж слева изображен на полусогнутых ногах, держит в правой руке какой-то предмет, вероятно, щипцы. Левая рука, приподнятая вверх, изображена с вытянутым указательным пальцем в направлении к себе. Талия перетянута поясом, от которого спускаются два длинных шнура с кистями на концах, за поясом - ложка(?). Персонаж справа изображен сидящим на пятках. В каждой руке он держит нечто вроде коротких прутьев. На талии - узкий пояс с длинным свисающим концом и кисточкой. За поясом - ложка(?). На крышке оссуария (рис. I б) изображены в полный рост женские фигуры, стоящие друг против друга в одинаковых позах. Обе, в опущенных руках держат ветви: трилистник на длинном стебле у левой фигуры, ветвь типа пальмовой - у правой. Свободные руки обеих фигур подняты над головой, а их указательные пальцы вытянуты в направлении друг к другу. Одежда изображена условно, она довольно прозрачна и подчеркивает чуть расплывшие формы женского тела. У правой фигуры с локтя спускается короткий шарф с фестончатыми краями. Прически невысокие, украшены лентами, спускающимися с висков. У левой фигуры над головой - три крупных кружка, у правой - три полумесяца с мелкими кружками в них. У верхушки крышки семилепестковая розетка в большом полумесяце, ниже орнамент из трех кружков на стебле. У ног, между фигурами, пятилепестковая полурозетка.

Муллакурганский оссуарий по ряду многих признаков - прямоугольная форма, техника изготовления, способ орнаментации и отдельные элементы орнамента (архитектурный фон в виде аркады, форма и декор арок и колонн), находит прямые аналогии с хорошо известными Биянайманскими /20/ и Иштыханскими /34/ оссуариями. Композиция из двух жрецов, находящихся по обе стороны алтаря с огнем, является одним из вариантов популярного сюжета в Сасанидском Иране - изображением царя и бога или жреца перед высоким ступенчатым алтарем с пылающим огнем - символом зороастризма².

2. Данный сюжет в свою очередь имеет глубокие древневосточные корни, восходящие к Ахеменидскому Ирану. /56, табл. 7, №20/. Изображение двух жрецов на оссуариях перед высоким ступенчатым алтарем известно также на Краснореченском городище Кирг. ССР VIII-IX вв. /II, с. 576, рис. I/; На оссуарии из Ток-Калы УП-VIII вв., в сцене оплакивания перед покойником изображены две фигуры, сидящие перед стилизованным проросшим алтарем. /12, рис. 27 б/. Сцена жертвоприношения перед алтарем огня была достаточно распространена в изобразительном искусстве Согда в раннесредневековый период, в монументальной живописи Пенджикента /17, табл. УП/ и Варахше /46, табл. XIV/; В Восточном Туркестане известно каменное погребальное сооружение, где изображен алтарь с огнем, перед которым стоит жрец с высоким посохом и повязкой на лице /VI в. Сев. Хэнань недалеко от Чжандафу/. Г. Скалья, опубликовавшая этот рельеф, считает, что он принадлежит согдийским колонистам. /55, рис. 6/.

Изображение на согдийском оссуарии высокого ступенчатого алтаря огня со жрецами, совершающими богослужение, свидетельствует прежде всего о том, что здесь отражен ритуал, связанный с зороастрийской традицией. Наличие повязок на оссуарии из Мулла-Кургана, прикрывающих нос и рот жрецов, связанных со стремлением сохранить чистоту святыни, также свидетельствует о том, что здесь изображен священный огонь³. Повязки на Муллакурганском оссуарии, изображенные в профиль по форме, напоминающие лезвие алебарды, удивительно похожи на повязки современных зороастрийских жрецов, сделанных из куска белой хлопчатобумажной ткани продолговатой формы, закрывающих рот и нос, которые держатся при помощи завязок⁴, так же как на оссуарии. Подобные белые повязки, с прикрепленными к ним завязками, известны также на росписях Афрасиаба (УП в.) в Согде /I, рис.12/. Вероятно, такие же повязки изображены на оссуарии из Краснореченского городища (Кирг.ССР) /II/, в Южном Согде на одном из Китабских оссуариев /24, с.530/, на согдийском каменном погребальном сооружении из Восточного Туркестана /55/.

Известны также другого типа повязки - не широкие, а узкие без завязок, прикрывающие только рот - на сасанидском металле /3I, № 16; 5I, рис.70/, на погребальной вазе из Мерва IV-V вв. /22/. Это изображение на мервской вазе Г.А.Кошеленко сравнивает "с белыми лентами-повязками, известными в сасанидское время, когда каждый человек, находясь перед царем, надевал белую ленту *padham* -

3. Об использовании повязок перед священным огнем в храмовом богослужении зороастрийцев есть сведения средневекового арабского географа Казвини, который оставил описание одного из зороастрийских храмов на юго-востоке Ирана. Он писал о множестве людей, следивших за постоянно горевшем пламенем, которое жрецы поддерживали сухими ветками тamarискового дерева, при этом пользовались серебряными щипцами и рты у них были завязаны /48, с.153/. У современных зороастрийцев, например, ношение повязок *padham* связано, как отмечает Г.Гропп, главным образом с иерархией огня и рангом жрецов. Первому по степени достоинства огню - *atash bahram* /царский огонь/ мог прислуживать жрец высшего ранга "чистый служитель". Второму - *atash adaran* /огонь огня/, могли прислуживать священники низшего ранга, при этом, они окутывали рот и нос платками *padam*, чтобы не осквернить огонь. *Atash bahram* должен быть единственным в городе или районе, тогда как *atash adaran* горел в каждой общине из 10 зороастрийских семей. /57, рис.42, с.169/
4. В зороастрийском храме в Бомбее. /57, рис.42, с.169/.

на рот, чтобы не осквернять своим дыханием царя" /22, с.100/. Различные типы повязок, видимо, можно объяснить тем, что широкие повязки с завязками носили жрецы и прочие служители культа. Прототипом подобных повязок, вероятно, был головной убор древних иранцев башлык-кирбасий, закрывавший низ лица, который упоминается часто Страбоном при культовых церемониях /4I, XV, Ш, 15/; аналогичное изображение известно в культовых сценах на пластинках Амударьинского клада, /2, с.54, № 69-70; с.8, рис.2/ Персепольских рельефах /56/.

На Муллакурганском оссуарии у жреца справа в руках изображены скорее всего связки прутьев, которые, казалось бы, можно сопоставить с авестийским барсманом, применявшимся в ритуальной практике в качестве кропила. Однако, по данным Авесты⁵ и иконографии⁶, барсман — это одна связка прутьев, которую держат в правой или левой руке, реже обеими, тогда как на оссуарии предметы в виде связок прутьев — в каждой руке жреца. Кроме того, они короткие, тогда как по известным изображениям барсмана в Ахеменидский и Сасанидский периоды длина его достигала 45 см. В Авесте также имеются некоторые указания на размер барсмана — "простирающийся до колена, достигающий середины ноги" /Видевдат 19, с.19/, /Ясна 57, 98/. /47, с.75, 429/. Короткий барсман (барсом) известен у современных зороастрийцев (металлический стержень, пучок) /49, с.38-39/, длина которого не превышает 20 см.

Отсюда следует, что изображенные на оссуарии предметы в виде связок прутьев были, видимо, не барсманом, а каким-то другим культовым атрибутом. Интерес в этом плане представляет оттиск печати из Персеполя, где два жреца изображены перед огнем на алтаре. Один из них в первой руке держит прутья /барсман/, в левой протягивает палочки — дрова к священному огню. /56, табл.7. № 20/. В Видевдате /Ш, I/ упоминается муж /праведный зороастриец/ с "дровами в руке и барсманом в руке" /10, с.68/. Дрова, чаще всего палочки сандалового дерева наряду с барсманом являлись ритуальной принадлежностью при богослужении в древней Индии, Иране /48, с.4/ и у современных зороастрийцев /50, с.57/. Не исключено, что в обеих руках священно-

5. В Видевдате /3, 16; 9, 56 и др./, также в Ятгах /8, 58, 10, 137; 13, 27 и др./, в Ясне /57, 6/. /47/. Современные зороастрийцы /парсы/ для этих целей используют пучок металлических стержней. /53, с. 277-279/. Пучок веток, очищенных от листьев, используемых как кропило, известен в ритуалах у кайфов Гиндукуша /38, с.103, 106-107/ и в Средней Азии — в шаманской практике /40, с.65-66/.

6. Изображение барсмана в виде длинных прутьев известно с сер. I тыс. до н.э. до раннего средневековья на золотых votивных плас-

служителей на Муллакурганском оссуарии были изображены именно священные поленца (дрова). Поддержание дровами священного огня имело сакральное значение, связанное в представлении древних народов Ирана с жертвоприношением огню, которое по словам М.Бойс, "состояло из ингредиентов растительного (дрова, благовония) и животного (жиры) мира, тех, в ком прибывает огонь. Жертва (т.е. сожжение дров и благовоний) - воздаяние огню [*zaotbra*] возвращает их к этим элементам (т.е. огню) живой силой, и, таким образом, природа возрождается /48, с.4/.

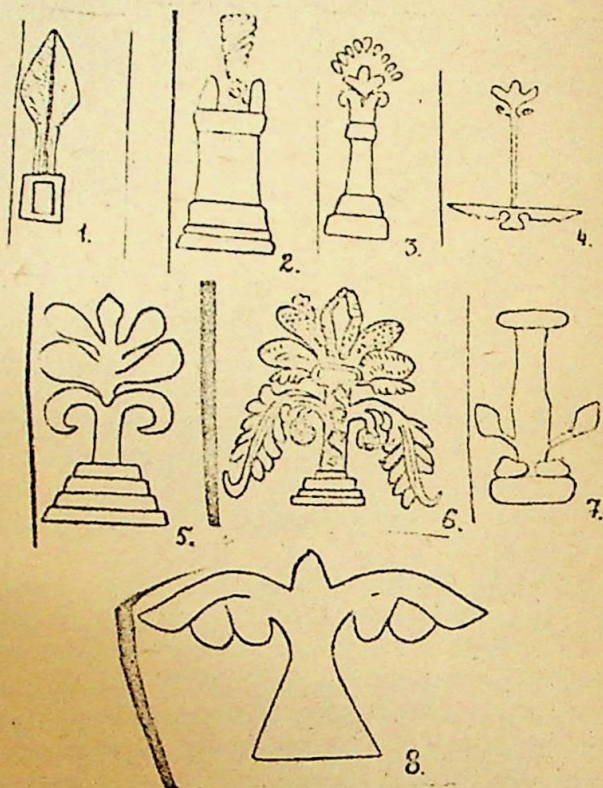
У современных зороастрийцев священный огонь разжигают по мере надобности много раз дровами сандалового дерева, при этом для очищения огня читаются молитвы. /50, с.152-153/. Причем, сандаловое дерево добавляли в огонь щипцами, а фимиам - ложкой /50, с.152/. Интерес представляет алтарь огня, с проросшими из нижней плиты четырехступенчатого основания двумя ветвями по бокам. Изображения проросших алтарей известны в древневосточном искусстве⁷, которые впоследствии получили широкое распространение в раннехристианских изобразительных сюжетах, а также встречаются в Средней Азии и сопредельных районах⁸ (рис.2).

Мотив проросшего алтаря семантически связан, видимо, с идеей "Огонь-Дерево" в миропонимании древнего человека. Связь огня с деревом хорошо прослежена в ведических текстах древней Индии⁹, также известна в средневековых текстах (*zādspram*, I, 25/), где упоминается, что одним из проявлений огня были растения /49, с.138-140/. Подобная связь прослежена и в среднеазиатском этнографическом материале, в легенде, записанной в Куня-Ургенче, где отмечено, что в дупле дерева разжигают огонь и вещают людям от имени бога /40, с.193/. Связь огня с деревом, с одной стороны, могла быть отражением идеи возникновения огня "из дерева", с другой стороны, дерево в миропонимании древнего человека было связано с идеей древа жизни (мирового древа), являющегося источником жизненной силы, бессмертия¹⁰ /44, с.396-406/.

тинках из Амударьинского клада, /2, с.51-57, IV/, на оттиске из Персеполя, /56, табл.7, № 20/, на каменных рельефах парфянского и сасанидского времени /52-53/, на сасанидских резных камнях /8, табл.6/, на сасанидских монетах /46, табл.VI, УП/.

7. На Урартском рельефе из Кеф Келеси в 600-645 гг. до н.э., где изображены три алтаря, из которых вырастают деревья /липариси/, /14, с.137, рис.4/; На каменной плите из Дур-Европоса парфянского времени /54, илл.ХП/.
8. На согдийском шелке (изображение алтаря с проросшим цветком вместо огня) /18/, на оссуарии из Ток-Калы Хорезм УП-УШ вв. /12/, на кры-

- Рис.2. Проросшие алтари в древневосточной иконографии:
1. Рельеф урартский из Кеф-Калеси. Адылджеваз. Армения.
  2. Рельеф парфянского времени из Дура-Европос. Сирия.
  3. Монеты сасанидские.
  4. Шелка согдийские.
  5. Крышечка из Мошевой Балки. Кавказ.
  6. Бронзовый кувлин из Дагестана.
  7. Гемма сасанидская /?/. Из собрания музея истории им. Айбека. г. Ташкент. /инв. № 159 /-/.
  8. Осуурий из Ток-Калы. Хорезм.

Алтарь огня — символ жизненной очистительной силы связан также с культом предков¹¹. Возжигание огня в честь духов предков как отголосок древнеиранских представлений хорошо известно в этнографическом материале народов Средней Азии /40, с.65-66; 3, с.129, с.142, 172/¹². Ирана /15, с.70-71/, которое производилось в домах, святых местах, кладбищах. Итак, нижняя композиция на Муллакурганском оссуарии представляется как сцена заупокойной литургии /жертвоприношение огню/, связанной, вероятно, с культом предков.

Обратимся теперь к верхней композиции на крышке /рис. I б./

Изображения двух фигур, стоящих друг перед другом, хорошо известны на сасанидских геммах /9, № 118, 165, 170 и др./ и являются, видимо, близким вариантом широко распространенных в древнем искусстве геральдических композиций с изображением животных, птиц друг перед другом, между которыми часто показан мотив дерева¹³. Изображение двух женских фигур друг перед другом на Муллакурганском оссуарии отличается как бы подчеркнутой двойственностью их образов: разными эмблемами над головой каждой фигуры — солнца и луны, выражающими, видимо, двойственность мироустройства¹⁴ (сноска на след. стр.).

ке оссуария из Краснореченского городища /Кирг. ССР/ УШ-IX вв., где изображен стилизованный алтарь с двумя проросшими цветами и плодами /11/, на сасанидском бронзовом кувшине /31, № 72/, на гемме сасанидского происхождения /35, с.143/.

9. В гимне, посвященном Богу огня Агни он прославляется как "Царь дерева", "Бессмертный по воле своей, беспрепятственно сущий в растениях" /37, с.172-173; 30, с.84-85/.
10. В погребальных обрядах "Огонь-Дерево" как мировое древо мог быть, по мнению Литвинского В.А., "экстатическим средством, соединяющим мир богов, мир людей и мир предков и помогающим душе вознестись к обиталищу богов" /26, с.140/.
11. Как отмечает С.А.Токарев, для многих народов мира с древнейших времен образ духа — покровителя семьи или рода, воплощенный в родовом очаге, служит подобно образу родового предка, символом семьи или рода /43, с.276/.
12. В предгорной местности района Таджикистана на могильных холмах до сих пор еще встречаются примитивные домики для светильника чирог-хона, сделанные из двух кирпичей или плоских камней /33, с.269/ У узбеков Южного Казахстана известны также домики для предков (макчамы), в которых стоял светильник. Сооружались они внутри жилой постройки или вне ее /42, с.91/.
13. "Изучение этих композиций позволяет связать их возникновение с одной из стержневых идей древнего мировозздания — с сакральным переходом, сменой жизненных циклов. Важным звеном служит центральный знак, "т.е. растительный мотив /дерево, куст, цветок/ и т.д.", выражающий идею самого принципа обновления" /14, с.131/.

А растительные мотивы между фигурами: внизу у ног - пятипестиковая полурозетка в виде куста и сверху над головами - мотив трех кружков на стебле с выходящим концом¹⁵ как символ жененной силы - является, видимо, выражением идеи возрождения, отражая тем самым основную идею погребального обряда: жизнь - смерть - возрождение /бессмертие/.

Представление о двойственности мира, неразрывности понятия жизнь-смерть подчеркивается, видимо, также двойственным соларно-лунарным знаком, расположенным у самой верхушки крышки оссуария. Их значение, с одной стороны, определялось как "определенное пожелание, чтобы душа умершего присоединялась к силе небесных светил", что связано, видимо, с древнейшими представлениями об уподоблении души умершего небесным светилам, и с другой стороны - они могли быть эмблемами хтонических божеств¹⁶ /36, с.106/. Знаки небесных светил, возможно, могли еще иметь значение очистительной силы и нести функцию оберега от злых сил /40, с.135/. Оберегами служили изображения небесных светил в определенных частях современного жилища Средней Азии, связанных с границей внешнего и внутреннего пространства, а именно - внешние стены домов, ворота, дверь¹⁷ /40, с.229-230/.

Разноцветная одежда из тонкой прозрачной ткани, драпированная мягкими складками, из-под которой просвечивает обнаженное тело, а также шарф, обвивают эти персонажи с образами известных по иконографическому материалу женских фигур¹⁸, трактованных как жриц-танцовщиц, изображенных с различными культовыми атрибутами, в том числе с растениями, как на Муллакурганском оссуарии. Можно предположить, что женские образы жриц-танцовщиц (подразумевается иконографическая традиция, а не персонаж), изображали также танец, судя по позам обеих фигур. Символика изображенных друг перед другом фигур, между которыми расположены раститель-

14. Представление о двойности мира сохранилось у горных таджиков Памира и в наше время. У хуфцев в дни поминовения умерших на кладбище у изголовья ставили по две лучины, объясняя это следующим образом: "Все в мире любит парность, склонно к тому, чтобы находится вдвоем, солнце с месяцем и день с сопровождаемой ночью, рождение и смерть - все имеет связь друг с другом" /4, с.201/.
15. Мотив трех кружков на стебле характерен для керамики и терракотки Согда, распространенного в VI-VIII вв. /28, с.42/.
16. М. А. Рапопорт предполагает, что соларно-лунарный знак был связан с Анахитой, иконографическим выражением которой мог быть образ четырехрукой богини, державшей в одной руке диск, солнца, в другой - диск луны /36, с.106/.

ные мотивы, должна быть, вероятно, свидетельством одного из значимых погребальных танцев как торжество жизни над смертью¹⁹.

Таким образом, на оссуарии и крышке изображены разные сцены погребального обряда: заупокойная литургия, связанная с жертвоприношением на алтаре огня и, вероятно, ритуальный танец, связанный скорее всего с культом предков хтонических божеств. С другой стороны, крышка как перекрытие могла восприниматься как небо²⁰, тогда женские персонажи, возможно, воплощали в предпологаемом танце какие-то небесные образы²¹, связанные с культом небесных светил — солнца и луны, играющих большую роль в погребальном обряде.

В связи с дружественностью композиции на оссуарии, обращает внимание то, что "верх" и "низ" его как бы связаны с числом семь²². Семизначными являются лепестки солнечной розетки на крышке и языки пламени на алтаре огня, что может быть, является отражением представления о связи небесного огня с земным его воплощением.

В заключение можно отметить, что изображения на крышке и оссуарии отражают, в целом, видимо, основную универсальную идею погребального обряда, связанную с идеей возрождения, бессмертия.

17. Этой обычай находит аналогии в ооременной резьбе русского Севера, Среднего и Верхнего Поволжья, Сибири /13, с. 62/.
  18. Подобных изображений много. /ЗГ № 21-27, 39, № 68; 6, табл. УП, X и др./.
  19. О связи погребальных танцев с культом предков и возрождением природы. /6, с. 44; 16, с. 45; 29/0 значении их как оберега от злых сил /23, с. 54-55; 21, 25, с. 72-77/.
  20. В могильных сооружениях, которые мыслились как загробные жилища, могила соответствовала низу /земля/, перекрытие — верху /небо/. /27, с. 257/.
  21. С изображением небесных дев связывают женские фигуры в коронах с вышитыми лентами на росписях свода низа зала богатого жилища в Пенджикенте. /7, с. 205/.
  22. Число семь часто фигурирует в церемониале Науруза — праздника умирающей и возрождающейся природы, тесно связан с культом предков в Сасанидском Иране и у современных зороастрийцев. /19, с. 88-89; 48, с. 34 и др./.
- Связь огня с символикой числа 7 кроме того отражает космологические понятия о единстве вселенной и ее элементов, в основе которых лежат древние понятия о том, что природа огня распределена во всех явлениях природы. /48, с. 24; 49, с. 133 и др./

ЛИТЕРАТУРА

1. АЛЬБАУМ Л.И. Живопись Афрасиаба. -Ташкент, Фан, 1975.
2. АМУДАРЬИНСКИЙ КЛАД. Каталог выставки Государственного Эрмитажа - Британский музей. -Л.: Искусство, 1979.
3. АНДРЕЕВ М.С. Материалы по этнографии Ягноба. -Душанбе: Дониш, 1970.
4. АНДРЕЕВ М.С. Таджики долины Хуф - Сталинабад. -АН Тадж.ССР, 1953, т.1. /ТИАЭ Тадж.ССР, т.7/
5. АРГАМОНОВ М.И. Сокровища саков. -М.: Искусство, 1973.
6. БЕЛЕНИЦКИЙ А.М. Монументальное искусство Пенджикента. -М.: Искусство, 1973.
7. БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., МАРШАК В.И., РАСПОПОВА В.И., ИСАКОВ А.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977. -Душанбе: Дониш, 1977.
8. БОРИСОВ А.Я. Эпиграфические заметки. -ТОВЭ. -Л.; 1939, т.1.
9. БОРИСОВ А.Я., ЛУКОНИН В.Г. Сасанидские гемы. -М.: ГЭ, 1963.
10. ВЕНДИДАТ / Ш / перевод Грантовского Э.А. Хрестоматия по истории древнего Востока. -М.: Наука, 1980.
11. ГОРЯЧЕВА В.Д. Исследования Краснореченского городища и некрополя. АО, 1983 г. -М.: Наука, 1985.
12. ГУДНОВА А.В. Ток-Кала. -Ташкент: Наука, 1964.
13. ДАРКЕРИЧ В.П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. -СА, 1960 г., 4.
14. ДЕМИРХАЯН А.Р. К мифопоэтическим истокам геральдических композиций. /в книге Культурное наследие Востока/. -Л.: Наука, 1985.
15. ДОРОШЕНКО Е.А. Зороастрийцы в Иране. -М.: Наука, 1982.
16. ДРЕСВЯНСКАЯ Г.Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда. -ОНУ, Ташкент, 1983 г., 3.
17. ЖИВОПИСЬ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА. -М.+Л.: Наука, 1963.
18. ИЕРУСАЛЕМСКАЯ А.А. Предметы христианского культа из могильника Мошевая балка. /в книге Художественные памятники и проблемы культуры Востока/. -М.: Искусство, 1985.
19. ИНОСТРАНЦЕВ К.А. Сасанидские этюды. -СПб, 1909.
20. КАСТАЛЬСКИЙ Б.Н. Биянайманские оссуарии. -Самарканд, 1908.
21. КОРОЛЕВА Э.А. Ранние формы танца. -Китинев: Штинца, 1977.
22. КОШЕЛЕНКО Г.А. Уникальная ваза из Мерва. -ВДИ, 1966 г., 1.
23. КОШЕЛЕНКО Г.А., ОРАЗОВ О. О погребальном культе в Маргиане в Парфянское время. -ВДИ, 1965, 4.
24. КРАШЕНИНИКОВА Н.И. Маршрутное обследование Китабского района. -АО, 1976, -М.: Наука, 1977.
25. ЛИСИЦИАН С. Старинные пляски и театральные представления армянского народа. -Ереван, АН Арм.ССР, 1972 г., т.П.
26. ЛИТВИНСКИЙ Б.А. Древние кочевники "Крылья мира". -М.: Наука, 1972.

27. ЛИТВИНСКИЙ В.А. Памирская космология /опыт реконструкции/. Страны и народы Востока, вып.ХУІ. -М.: Наука, 1975.
28. МАРШАК В.И. Согдийское серебро. -М.: Наука, 1971.
29. МКРТЧЯН Т. Семантика танцовщиц в искусстве раннесредневековой Средней Азии. -ОНУ, 1984, 9.
30. НЕВЕЛЕВА С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса. -М.: Наука, 1975.
31. ОРБЕЛИ И.А., ТРЕВЕР К.В. Сасанидский металл. -М.-Л.: Искусство, 1935.
32. ПАВЛИНСКАЯ Л.В. Осууарий из Муллакургона. -ОНУ, Ташкент, 1983.
33. ПОЛЯНОВ С.П., ЧЕРЕВНИК А.І. Погребальные сооружения населения долины Зарафшана. -В кн.: Домусульманские верования и обряды Средней Азии. -М.: Наука, 1975.
34. ПУГАЧЕНКОВА Г.А. Иштыханский осууарий. -ОНУ, 1975, 3.
35. ПУГАЧЕНКОВА Г.А. Материалы по восточной глиптике. -Труды САГУ, СХІ. -Ташкент. САГУ, 1957.
36. РАПОПОРТ В. Из истории религии древнего Хорезма. -М.: Наука, 1971.
37. РИГВЕДА. /пер. Елизаренковой Т. в книге "Поэзия и проза древнего Востока"/. -М.: Художественная литература, 1973.
38. РОБЕРТСОН Дж. Кафиры Гиндукуша. -Ташкент, 1906.
39. СМЕРНОВ А.Я. Восточное серебро. -СПб, 1909.
40. СНЕСАРЕВ Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. -М.: Наука, 1969.
41. СТРАБОН. География -М.: Наука, 1964.
42. ТАДЖАНОВ К., ИСМАИЛОВ Х. Макчам - дом для духов-предков. -СЭ, 1980, 3.
43. ТОКАРЕВ С.А. Ранние формы религии. -М.: Наука, 1964.
44. ТОПОРОВ В.Н. Древо жизни. Древо мировое. -Мифы народов мира. -СЭ, М, 1980.
45. ТРЕВЕР К.В. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ. -Ленинград, 1939, т.1.
46. ШИШКИН В.А. Варахша. -М.: Наука, 1963.
47. *Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Uebersetzt von Wolff. - Strassburg, 1910.*
48. *Boyce M. Zoroastrians. Their Religion Beliefs and Practices, - London, 1979*
49. *Boyce M. A History of Zoroastrianism, т. I - Leiden-Köln, 1975 (Handbuch der Orientalistik, I, 3, 1, 2, 2A).*
50. *Gropp G. Funktion der Feuertempel der Zoroastrier aus Iran, - Berlin, 1969, n° Bd 2.*
51. *Ghirshman R. Bichâpour, т. 2 - Paris, 1956-1971.*

52. Ghirshman R. *Iran Parther et Sassanides*, - Paris, 1962.
53. Modi J.J. *The religious ceremonies and customs of the forces* - Bombay, 1922.
54. Rostovtzeff M. *Dura-Europos and its art*, - Oxford, 1938.
55. Scaglia G. *Central Asians on a Northern Chi Gate Shrine* - *Artibus Asiae*, 1958, p. XXI, 24.
56. Schmidt E.F. *Persepolis* - Chicago, 1957, 72.
57. Zaehner R.C. *The Dawn Twilight of Terrestrialism* - New York, 1961.

Н.У. Холматов

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА СРЕДНЕЙ
АЗИИ В 1975-1980 гг.

На территории Средней Азии плодотворно ведутся археологические исследования памятников новокаменного века В.М. Массоном, А.В. Виноградовым, Г.Ф. Коробковой, Е.В. Бикановым, Ю.А. Заднепровским, М.Д. Джуракуловым, Д. Дуловым и др. Интересные открытия были сделаны в Туркмении, на плато Устюрт, в Кызылжуме, в Таджикистане, Овском оазисе, в среднем течении Зеравшана, которые дали интересный и богатый археологический материал по истории неолитических культур, чему и посвящена настоящая статья.

Изучение каменного века Туркменистана приобрело широкий размах после организации сектора археологии при Институте истории АН ТССР, в результате были открыты и исследованы новые памятники неолита. В частности, начиная с 1975 г. под руководством С. Дурдыева и Х. Дулова в северной Туркмении и на северном Узбее были найдены и зафиксированы несколько новых неолитических стоянок. Все эти стоянки в основном расположены в урочище Куртыш-Баба на левом берегу Узбоя. Интересно, что одна из них расположена в 50 м от берега на уровне щебнисто-задернованной поверхности, окруженной небольшими грядами песка; другая - в 50 м к востоку от колодца Орта-Кую на склоне озеровидного залива. Наряду с этими было зафиксировано три

пункта в 14 км севернее того же колодца на левом берегу Узбоя. На этих столиках предварительно были собраны многочисленные изделия в виде кумлеусов, пластин, микропластин правильной призматической формы, среди которых имеются экземпляры, выполненные двухсторонней круглой резьбой /1, с. 348/.

В 1976 г. Сарыязиной археологической экспедицией производилась разведка на правом берегу Мургаба /2, с. 80/ и были выявлены четыре местонахождения (Такта-Базар 2, 3, 3/3, 4), которые расположены напротив пос. Такта-Базар и относятся к верхней надпойменной террасе. Они дали значительные каменные изделия, большая часть которых изготовлена из микропластин правильной призматической формы. Сырьем для изготовления орудий служил серовато-желтый и бежевый непрозрачный кремнь низкого качества, встречающийся, кстати, на берегах Мургаба в виде галек. Интересно то, что эти памятники расположены между поселениями джейтуновских земледельцев на западе, стоянками Гиссарских горных скотоводов, охотников и собирателей на востоке и местонахождениями кельгиманских охотников-скотоводов на севере, оказавших свое определенное влияние на культуру древних тактабазарцев. В то же время пластинчатая индустрия Такта-Базара обладает яркими самобытными чертами, выделяющими ее среди окружающих соседних неолитических комплексов. Поэтому исследователи Г. Ф. Коробкова и Х. Ю. Коупов пришли к выводу, что это новая ранненеолитическая культура, которая представляет одну из локальных групп племен охотников и собирателей, развивавших традиции пластинчатых индустрий, охватывает полукольцом зону соседних земледельцев и скотоводов Джейтуновской культурной общности.

Во время разведывательных работ на плато Устюрт под руководством Е. В. Биканова в 1977 г. был обнаружен ряд новых археологических памятников новокаменного века /3, с. 23-22/. Среди этих стоянок большое научное значение представляют материалы стоянки Чурук-10 и Чурук-11. Стоянка Чурук-10 расположена в километре к югу от колодца Чурук на склоне котловины, а стоянка Чурук-11 чуть ближе к юго-востоку от того же колодца. Обнаруженный археологический материал характерен для позднего палеолита и неолита. Далее, собранный материал дает возможность проследить эволюцию кремневого инвентаря населения Устюрта с эпохи позднего палеолита до середины неолита, изучить культурные связи и перемещение населения в эпоху мезолита и неолита через территорию плато до Уральского хребта.

Большой интерес представляют исследования, проведенные в 1976 году в Ферганской долине экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством

Ю. А. Заднепровского на Ош-Корсуйском оазисе /4, с. 53/. Была изучена неолитическая пещера Орлов на Тахти-Сулеймане. В ней обнаружены нуклеусы, остроконечники, массивная обработанная галька, пластины, отщепы. Весь комплекс находок, по мнению исследователя, подтверждает, что оазис был обжит человеком в эпоху неолита, примерно в VI-V тыс. лет до н.э.

Важное научное значение имеют исследования, проведенные в 1976 году в зоне строительства Дангаринской оросительной системы и Нурекского водохранилища на юге Таджикистана /5, с. 576/. На этой территории был обнаружен ряд местонахождений новокаменного века, а также остатки мастерской, где были собраны два нуклеуса, 19 отщепов из галек. Среди этих стоянок наиболее выразительной оказалась стоянка Драм-Дукан, в материалах этой стоянки выявляются черты, характерные для гиссарской культуры.

Во время разведывательных работ в Яванской долине был обнаружен ряд памятников новокаменного века /6, с. 457/. Отрядом была обследована вся территория Яванской долины, включая склоны хребтов Рангонтау и Каратау вплоть до водоразделов и в результате было найдено 23 пункта открытого типа стоянок (Дунгуз улди, Куз-кайнар, Нарри I, 2, 3, Заркамар, Капчигай). В них обнаружены стоянки, относящиеся к гиссарской культуре.

Весьма интересны результаты работ, выполненных в регионе Кызылкума в 1975-1980 гг. Полученный на западном участке сухого русла Дарьясае материал относится к комплексу Дарьясайского типа: пластинчатый, микролитический /7, с. 543/. Были начаты работы по исследованию неолитической стоянки Жанбасс - 31. В культурном слое стоянки найдены изделия из кремня и других пород камня, фрагменты керамики, изделия из кости, кости млекопитающих, птиц, рыб и остатки жилищ /8, с. 152/.

Большой интерес представляет обследование в 1978 г. центральной части аллювиально-дельтовой равнины Зеравшана (юго-западные Кызылкумы). Проведена разведка неисследованного пространства между Махандарьей и Дарьясаем в окрестностях колодца Каракыр. Были найдены две разветвленные стоянки и несколько пунктов с единичными находками. Первая стоянка Каракыр I находится близ колодца Каракыр, у южной оконечности продолговатого останцевого бугра, на берегу руслообразного понижения, вторая - в долине Чарбакты. В них обнаружены: нуклеусы, скрепки, геометрические изделия, изделия из кости и др. Найденный материал близок к образцам раннеолитических стоянок

Дарьясайского региона /9, с. 547/.

Интерес представляют результаты исследования, проведенные под руководством М. Д. Джуракулова по изучению памятников новокаменного века на территории средней части Зеравшана в 1975-1980 гг. на стоянках Сазаган I, II /10, с. 3-13; II, с. 4-14/. В них обнаружены изделия из кремня, нуклеусы, серия микроскрепок, наконечники стрел, вкладышевые орудия, а также многочисленные ископаемые фауны и фрагменты керамики. Следует отметить, что сходные орудия в значительном количестве встречаются в комплексах неолитических памятников Хорезма /см. 12, с. 43/, Кызылкума /13, с. 79/ и низовьев Зеравшана /14, с. 32-35/. Тщательно изучая комплекс каменной индустрии Сазагана, исследователь пришел к выводу, что здесь пластинчатый характер индустрии в целом выражен слабо и большинство орудий, изготовленных из отщепов и разных сколов, явно отличаются от неолитических стоянок степных и пустынных зон Средней Азии. В 1979 г. археологическая экспедиция СамГУ им. А. Навои произвела разведывательные работы с целью выявления новых памятников первобытной культуры в окрестностях сел. Сазаган. Был зафиксирован ряд новых местонахождений новокаменного века вблизи сел. Тепакуль, Эгрикульчи, Тавокбулок. В них обнаружен интересный подземный материал: микролиты, вкладышевые орудия, микропластинки, отщепы и др. Следует отметить, что все вновь выявленные местонахождения развеемы, хотя в значительной степени пополнили коллекцию по эпохе неолита Зеравшана. Предварительное изучение каменной индустрии Сазаганского и вновь выявленных пунктов в Каратепинском предгорном массиве приводит к выводу, что в эпоху неолита племена среднего течения Зеравшана, видимо, входили в зону контакта неолитических культур - кельтеминарской и гиссарской. По мнению исследователей, синкритизмом последней характеризуется локальность среднезеравшанского варианта неолитических культур с другими регионами Средней Азии.

Таким образом, накопленный за 1975-1980 гг. археологический материал служит одним из главных источников изучения неолитических культур прошлого среднеазиатских республик.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДУРДИЕВ С., КСУПОВ Х. Исследования на территории северной Туркмении. -АО 1976. -М.: Наука, 1976.
2. КОРОБКОВА Г.Ф., КСУПОВ Х.Ю. Стратия новой неолитической культуры на Мургабе. -УСА, вып.4. -Д., 1979.
3. БИЖАНОВ Е.В. Новые памятники каменного века Чузукского массива (северо-восточный Устурт) - В кн: Археологические исследования в Каракалпакии. -Ташкент: Фан, 1981.
4. ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю.А. Основные этапы истории Ошского оазиса. -КСМА, вып.170. -М.: Наука, 1983.
5. КСУПОВ А. Исследования Вахшского отряда. -АО. 1977. -М.: Наука.
6. КСУПОВ А. Работы по изучению каменного века среднего течения р. Вахш в 1977 г. -АРТ, вып.ХХП. -Душанбе: Дониш, 1983.
7. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э.Д., ОСКИН А.В. Работы Кызылкумского отряда -АО 1975, -М.: Наука, 1976.
8. ВИНОГРАДОВ А.В. Раскопки стоянки Джанбасс-31 -АО 1976. -М.: Наука, 1977.
9. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э.Д. Комплексные археолого-геоморфологические работы в юго-западных Кызылкумах. -АО. 1978. -М.: Наука, 1979.
10. ДЖУРАНУЛОВ М.Д. К итогам исследования неолитической стоянки в селении Сазаган. -В сб.: Материалы по истории Узбекистана. -Труды СамГУ, вып. № 329. -Самарканд, 1977.
11. ДЖУРАНУЛОВ М.Д. Результаты исследований археологической экспедиции СамГУ им. А.Навои 1979 года. -Вопросы археологии, древней истории и этнографии. -Самарканд: Изд.СамГУ, 1980.
12. ВИНГРАДОВ А.В. Неолитические памятники Хорезма. -ИХЭ, вып.8. -М.: Наука, 1968.
13. ВИНОГРАДОВ А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. -М.: Наука, 1980.
14. ГУЛЯМОВ Я.Г., ИСЛАМОВ У., АСИАРОВ А. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. -Ташкент: Фан, 1966.

И.С.Ибрагимов

К.К.Кубаков

ТРАДИЦИОННЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКА
ПОСТРОЙКИ ЖИЛИЩ В СТЕПНЫХ РАЙОНАХ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА
(Конец XIX - начало XX вв.)

Местный строительный материал и техника строительства в Узбекистане освещены в ряде работ. Особую ценность представляют специальные исследования А.К.Писарчика /1, с.216-298; 2;/

Главным строительным материалом, как всюду в Средней Азии, так

и в Узбекистане издавна являлась местная глина лесс /лой/ и лессовый материал — пахса, известный в литературе под названием гува-ла: высушенные глиняные катшки овальной формы. Наряду с ними применялись камень, дерн, камыш, а также древесная порода. Для стен и кровли, каркаса использовался преимущественно тополь, для ворот, дверных коробок, балок строительный лес из карагача, для внутренних частей — тутовник.

Основным строительным материалом в массовом строительстве являлся лесс. В виде битой глины — пахса он в старину употреблялся в жилом и хозяйственном строительстве очень широко не только в кишлаках, но и в городах Узбекистана. Еще в 70-годах прошлого столетия большинство жилых домов было из битой глины. На изучаемой нами территории встречаются в основном три вида пахсы, называемые в народе: 1. Каршинская, 2. Сурхандарьинская или же каратегинская, 3. Туркменская или Зарафшанская пахса.

1. Каршинская пахса отличалась от других внешним видом, толщиной и высотой. Глину готовили более тщательно, проминали три раза и глина становилась липкой, её срезали специальной лопатой треугольной формы и из этих катшек возводили жилые и хозяйственные помещения. Поверхность при этом получалась неровной, выступали несрезанные комки глины. Это делали для того, чтобы стена лучше держала глиняную штукатурку.

2. Сурхандарьинская или Каратегинская пахса. Она в народе еще называлась "калама пахса". Для этой пахсы глину делали чуть мягче, чем в пахсе каршинского типа. Толщина стены была 40x45 см.

При кладке комки глины не раздавливались и не трамбовались, поэтому она называлась "комковой". Лишнюю глину со стены снимали руками, внутреннюю и лицевую части оставляли неровной, при этом рукой или палкой делали мелкие ямки, для того чтобы крепко держалась штукатурка.

3. Туркменская или Зарафшанская пахсаготавливалась тем же способом, что и описанные выше, стены были толщиной 80x60 см. При кладке глину утаптывали ногами. Подсыхшую стену пахсачи (мастер) разравнивал лопатой, срезал лишние части вертикальным способом — сверху вниз и получалась как бы шлифованная ровная снаружи стена, сужающаяся за счет разравнивания, особенно с внутренней стороны. Кроме того, между блоками пахсы клали тутовые, арочные и чинарные балки для того, чтобы пахса не оседала.

Обычно при возведении глинобитных стен работали втроем. Один долго утаптывал массу глины ногами, второй приносил воду и

камень, а третий укладывал камень в цоколь. Во время работы один подавал наверх глину, второй тщательно укладывал каждый кусок глины, подравнивал ладонью, а третий постоянно перемешивал лессовую массу ногами, чтобы она не затвердела. При кладке стен для жилого помещения придерживались правила, по которому толщина нижних слоев стены достигала 65-70 см, кверху стена постепенно суживалась примерно до 40-45 см, при этом внутренняя сторона стены делалась ровной.

Другой строительный материал - комок сухой глины - гувала - овальной формы, называемая в изучаемых нами местах "бурикалла" "волчья голова" /в Самарканде и Бухаре - "кулух", в Ташкентском оазисе - "гувалан", в Ферганской долине - "гувала" /применялась очень широко и в кишлаках, и в городском строительстве. В старину она использовалась для кладки стен и для заполнения деревянного каркаса. В XIX веке гувала применялась для возведения стен жилых построек в городах, но в последующем стала применяться только в сельской местности и в основном для хозяйственных построек. Гувала отличалась легкостью изготовления и дешевизной. О широком применении гувалы в строительстве жилых и хозяйственных помещений в Фергане и Ташкенте писали ряд авторов /1, 3, 4/.

Гувала была широко распространена и в степных районах: Чиракчинской, Каршинской, Советабадской, среди найманов, сараев, мангитов и других родо-племенных групп.

Возведенная из гувалы стена в народе называлась "кесак девор", "шапати девор". Способ "шапати девор" был очень простым: на цоколь клали гувалу, так чтобы получился первый ряд ровным, затем на него густую глину и этой же глиной производили смазку первого ряда. В результате получался первый слой стены в размере 50x50 см, остальные слои получались простым накладыванием. Обычно на таких стенах при смазке оставались следы от пальцев (шапаты) от этого и название стены - "шапати девор".

Сырцовый кирпич - строительный материал в старину в Средней Азии имел квадратную форму и называли "мусульман гилти" - мусульманский кирпич. Позднее после присоединения края к России в обиход вошел прямоугольный сырцовый кирпич называемый в Фергане "саллот гилт" /искаженное "солдатский кирпич"/, т.е. кирпич, заимствованный от солдат : /1, 228-229/. Процесс изготовления сырцового кирпича обозначался термином "гилт куймок", т.е. "отливание кирпича. Прямоугольный кирпич шел в большинстве на сплошную кладку стен, более тонкий, квадратный был удобен для заполнения каркаса. При этом

его ставили в слегка наклонном под небольшим углом положении. Таким образом возводили каркасные стены жилых и хозяйственных построек в старину. Сырцовый кирпич делали из хорошо обработанной лессовой массы при помощи прямоугольной деревянной формы под названием "колип". Она состояла из нескольких ячеек.

Постройки из сырцового кирпича без стоек назывались "гиштлики уй". Они целиком выкладывались из сырцового кирпича, даже промежутки между нишами бывали в прошлом не из дерева, а из кирпича. Только над нишами клали сверху деревянную балку, называемую, как и верхняя балка дверной коробки, тусун-болор.

Квадратный сырцовый кирпич был распространен в полосе Шахрисябс-Китаб и прилегающих кишлаках этих районов. Встречается также в районах Чиракчи в двух видах: большего и меньшего. Особенно часто употребляли кирпич размером 40x30x10 см, т.е. как плита. Из этого кирпича строили жилые дома и мечети. Из этих же кирпичей были возведены первые дома в кишлаке Тым. Поверхности стен, сложенных из битой глины-пахса или из сырцового кирпича, гувала, в небогатых домах отштукатуривались лессом, к нему часто добавляли саман или иногда керамические глины, так называемый "кизил кесак". Это делалось для того, чтобы придать стене бледно-коричневый оттенок. Для отштукатуривания стен у богатых применялся местный алебастр различных сортов, называемый "ганч" "гулганч".

Жженный кирпич, получивший широкое распространение в настоящее время, в XIX веке применялся мало: из него строились только медресе, мечети и бани. В жилых домах он употреблялся только на фундамент, а в богатых домах на выстилку полов, карнизов айвана. Только в городах и крупных кишлаках встречались байские дома, сооруженные из жженого кирпича.

В условиях Узбекистана, особенно в степных районах южных областей республики, дерево ценилось особо. Оно использовалось не только как конструктивный материал, но и как художественно-декоративный. Резьбой украшали деревянные части комнат, айванов, табаданов, отделявали потолки, дверные створки.

Лес в изучаемых нами степных районах в начале нашего столетия был представлен местными древесными породами: тополь и частично ива, урюковое дерево, арча, тут, карагач, грецкий орех, чинара. Лучшим строительным лесом считался тополь. Из него делались самые важные части сооружений: нижняя и верхняя обвязка (каркастаг ва устки чопчуп) стойки стен, балки перекрытий (тусун-болор). Кроме того, он шел также на дверные и оконные ставни (дарча) и дета-

ли потолка. Как известно / 5 /, очень ценным материалом была арча, которую привозили с гор. Для деталей и декоративных наружных частей использовались дерево грецкого ореха и платан /чинар/. Кайрагач имеет слишком волокнистую древесину: он употреблялся главным образом на гладкие, без резьбы, колонны. Не пригодны для резьбы тутовник и акация, древесина которых неровна и имеет пустоты. Тутовая древесина хорошо предохраняет от сырости, поэтому употреблялась для деревянных подушек, подкладываемых под основание колонны. Ценным по твердости и прочности материалом является урчина, но недостаток этого дерева в том, что высыхая, оно трескается, поэтому употреблять его можно только после долгого предварительного вымачивания /1, 247/.

Как видим, в Узбекистане с древнейших времен в жилищном строительстве употреблялись стены (девор) трех видов: глинобитные-пахса, из комков глины-гувала, из сырцового кирпича. Отличались они строительным материалом, который использовался, и названием. В результате собранного этнографического материала мы пришли к следующим выводам.

1. В горных районах Байсун и Шерабада дома назывались "там". Стены их возводились из камня на лессовом растворе ("тошколон", "тош девор"). Для таких стен употреблялись сланец и известняк, богатые залежи которых имелись в верхней части кишлака Дам.

2. В предгорных районах стены домов назывались "пардали девор", но в некоторых кишлаках Сурхандарьи - "чим тош девор". При сооружении таких стен мастера использовали местный лесс, дерн и камень. Дерн употреблялся для того, чтобы камни держались крепче в связке с лессовой массой. Стены возводили таким способом: один ряд камней и глиняной массы, второй - из дерна и т.д. высота таким образом, составляло два и более метров. Когда стена считалась законченной, то на ее гребне сажали колючий дикий миндаль или дулан. Такие стены были устойчивы к снежным лавинам и охраняли от хищников.

3. Третим типом мы выделили уже упомянутые стены под названием "шпати девор". Возводились они из камня, гувалы и кесака, связкой являлась глина-"лой".

4. Стены "кесак девор" возводились из гувалы или из материала снесенных домов и стен. В таких стенах мастера-строители использовали очень много глиняной массы.

5. "Гиштин девор" или "гиштин иморат", "гишт девор" - такие стены обычно имели высоту 3-3,5 м и строились из сырцового кирпича с глиняной массой. Кирпич для таких стен употреблялся самых разных

размеров в зависимости от местности. Так, например, в кишлаке Сазаган Советабадского района размер кирпича был 40x40x17 см, в Чиракчи - 40x40x17,5 см и т.д.

6. "Синч девор" - стены каркасной конструкции были в основном двух видов: каркас однорядный - "якка синч" и двухрядный - "кушсинч". Эти конструкции были распространены в долинных зонах, а также в некоторых предгорных районах. В конструкции каркасной стены основными элементами являлись нижняя и верхняя обвязка, угловые вертикальные стойки-устун и диагональные брусья между стойками. Обвязка рубилась на углах, стойки соединялись с ней шипом. Угловые вертикальные стойки и передающие нагрузку подкосы между ними служили несущими частями конструкции. Для заполнения каркаса служили сырцовые кирпичи или гувала, вводились дополнительно ригеля и подкосы, которые удерживали наполнитель.

7. "Чим девор" - этот способ возведения стен в народе обозначался несколькими терминами, исходя из вида употребляемого при этом дерна, качества дерновых корней. Выделялись, например, "сарик чим", "буз чим", "ажрик чим", "томирли чим" и т.д. "Сарик чим" - "желтый дерн" - эта разновидность стены была в основном распространена в Придаргомской, Агранской, Уртачульской, Уртабузской, Чиракчинской степях, в адырных частях районов Камаша, Гузара, Дехканабада, где было распространено растение под названием "кунгирбошли ут" - мятник живородящий, дерн которого был очень густым и держался крепко. Местное население использовало этот дерн как строительный материал: "Ажрик чим" был распространен в долинных зонах у берегов арыков, рек, особенно в болотистых местах и употреблялся для возведения ограды вокруг жилых и хозяйственных построек, а также стен вокруг кладбищ. "Томирли чим" букв. "дерн с обильными корнями" или "арик лаби чими" был распространен также в долинной зоне и употреблялся для тех же целей. Кроме того он использовался при сооружении ирригационных построек.

8. "Шох девор" или "шох шапта" ограда из веток использовалась для двора или загона, высота стены 1,5-1,3 метра. Для ее строительства употреблялось большое количество веток дикорастущих деревьев, которые, связывались между собой и закреплялись при помощи вбитых в землю жердей.

9. "Чий девор" был очень распространен и употреблялся при установке юрты. При этом строительным материалом являлся камыш, из которого делали определенного размера циновки-чий; использовался он для стен юрты, глинобитных домов, перегородок, для покрытия

потолков (чийшипт) айванов, на них сушили ягоды и фрукты.

Ю. "Джанган девор", "тикан девор" - стены из зарослей колючки, распространенные в горной, предгорной зонах, на берегах рек и в тугаях.

II. "Ер девор", "дзер девор" - земляные стены, они больше всего употреблялись в предгорных, адырных зонах степных районов южных областей Узбекистана. В связи с этим в кишлаках долинной части начался переход к глинобитным домам, присущим оседлому населению изучаемого региона.

Таким образом, полевые этнографические исследования дают возможность охарактеризовать использование дерна как строительного материала и выявить причины сохранения дерновых кирпичей и материалов местного населения в строительной практике. Одной из характерных черт данных жилых помещений, хозяйственных построек является то, что они обычно стояли на открытом месте, в степи, в котором жило полукочевое полуседлое в прошлом население. В заключение отметим, что неорошаемая земля, жаркий климат, сильные ветры и другие объективные условия продиктовали свои законы для населения этих мест, научили создавать своеобразные жилые помещения и использовать специфический строительный материал.

Рассказы информаторов свидетельствуют, что дерновые кирпичи для возведения жилых и хозяйственных построек использовали еще в XIII веке. Особенно широко использование такого строительного материала было распространено во время правления Шахмурада в Придаргомской, Карнабской, части Уртачульской степях, в Чиракчинской и Придаргомской степях, а также на территории Камашинского, Дехканабадского районов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. ПИСАРЧИК А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX - начале XX в. СЭС, вып. I. -М., 1954, с.216-298.
2. ПИСАРЧИК А.К. Жилище. Таджики Киратегина и Дарваза, вып. II. - Тадж.ССР Душанбе: Изд. АН 1970.
3. МИДДЕНДОРФ А.Ф. 1882. Очерки Ферганской долины. СПб, 1882. -600 с. 10 иллус.
4. ЖИЛИНА А.Н. 1970. К истории формирования современного узбекского жилища. Автореф: Дис....к.и.н. М., 1970. -32 с.
5. АРАНДАРЕНКО Г.А. Лесной вопрос. СПб, 1889. -667 с.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО САМАРКАНДА (ТКАЧЕСТВО) В
XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Ремесленное производство Самарканда в позднее средневековье развивалось как продолжение многовековой традиции хозяйственной и культурной жизни Мавераннахр. На протяжении веков у узбекских и таджикских ремесленников накапливались специальные навыки и знания. А.М. Баленицкий на основе исследования казийских документов XVI в. приходит к выводу, что для ремесел Самарканда XV-XVI вв. была характерна специализация, а сами ремесленники объединялись в цеховые корпорации / 1, с.43-45 /. М.Ю. Юлдашев в своем исследовании "К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве в XVI-XVII веках" подчеркивает, что "цеховые объединения играли большую роль в жизни среднеазиатских городов еще в первой половине XIV века, когда они стали зрелыми организациями. Возникновение и формирование их, несомненно, относится к более раннему времени" / 2, с.30 /.

В XVI веке категории свободных ремесленников, работающих на рынок, значительно возрастает. Городские ремесленники, работавшие в "Кархане", "Дарбасте", жили в исключительно тяжелых условиях и жестоко эксплуатировались земско-городской знатью и цеховыми мастерами.

К XVI-XVII вв. среди ремесленников Самарканда уже произошло глубокое социальное расслоение. Хозяином ремесленной мастерской был мастер, эксплуатировавший труд подмастерьев и учеников. Значительная часть ремесленников находилась в полной зависимости от торговцев и ростовщиков, а иногда и от мастеров в связи с распространением кабальных ссуд (деньгами и сырьем) в счет будущих поставок ремесленной продукции.

Крупнейшие поэты XVI-XVII веков Восифи, Мутриса, Насафи, Малехо и др. в своих произведениях приводят названия десятков различных отраслей и специализаций ремесленного производства, среди которых ведущее место занимало производство текстильных изделий. Авторы средневековья называли ткачей "джамабаф", "наслади" /3, с.169-176 /. Профессия трепальщика хлопка "наддофи" еще с конца XIII в. считалась отдельной специальностью¹ / 4, с.21 /.

1. В Самарканде в конце XIII в. был квартал "наддофи", откуда вышел один из руководителей движения Сарбадаров (1365-1366) Абубекр Кулуй.

Каждое ремесло имело цеховой письменный устав - "Рисола" (араб. "записка", "трактат") / 5, с.1-3 /, где были указаны виды и размеры производства того или иного изделия. Ремесленник не мог нарушить эти правила, поэтому введение каких-либо новшеств было сопряжено с большими трудностями. Рисола являлась как бы нравственно-религиозной инструкцией, обязывающей мастера выполнять установленные обряды и традиции. Это был особый жанр, созданный и бытовавший в народной среде / 6, с.201 /. Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные здесь, вырабатывались столетиями. В Балков выявил 45 отдельных рисола, относящихся к отдельным видам ремесел и специальностям². Из них к ткачеству относятся: рисола шелкопрядов, ткачей, хлопчатобумажников, ткачей маты, рисола, вырабатывающих бархат / 7, с.171 /, существовали также рисола набойщиков, золотошвеев и др.

Еще в раннее средневековье Самарканд и другие города древнего Согда являлись крупнейшими центрами ткачества. По разнообразию сортов тканей, упоминаемых ал-Мукаддаси, Самарканд стоит на первом месте: здесь изготовлялись серебристые ткани (симтун), самаркандская парча, которую вывозили к туркам, красная ткань мумарджал, льняная синизи, шелковые ткани / 8, с.273 /. В позднее средневековье текстильное производство носило товарный характер / 9, с.196 /. Большим спросом у населения пользовались хлопчатобумажные ткани карбас, катан, буз, алоча, фута, чит. Среди мастеров ткаческого производства особенно славились камарбанды, абрбанды, алочабофи, читгары.

Ткачество представляло собой исключительно трудоемкую работу. Нити ткацких станков растягивались на улице на поперечных гребнях и сматывались в мотки. Какую операцию выполняли особые ремесленники. Среди многочисленных сортов хлопчатобумажной ткани широко были распространены алача - окрашенная ткань, идущая главным образом на шитье халатов; мата - белая ткань вроде бязи; хоса, дока - вискосортная кисея и др. Большинство бумажных тканей имело значительную примесь шелка. Полушелковые материи были двуличными и одноличными. По своему рисунку они делились на 1) "бенарес" или "мисри" - материя с узкими полосками; если цветные полоски шли по белому полю, ткань называли "акбенарес" (на Руси их называли "серебряными"); 2) "бекасам" - такая же материя, но с широкими полосками; 3) "адрас" или "пашай" -

---

2. В дополнение к этим 45 рисола нами выявлено еще более 20 рисола, относящихся к отдельным видам ремесленного производства и профессиям позднесредневекового Мавераннахра. ○

материя с неправильными и волнистыми пестрыми узорами (на Руси эта ткань называлась "струйчатой") / 2, с.33 /. Продукция ткачей предназначалась главным образом для удовлетворения потребностей городского населения. Однако в письменных источниках XVI-XVII вв. неоднократно говорится о вывозе определенных видов тканей и изделий в сельскую округу, особенно в степные области / 10, с.159-160 /.

Самаркандские мастера-ткачи славились на рынках Средней Азии производством высокосортовой *умажной алачи* (алача-и ресмони)³ / II, с.531-573 /. По свидетельству Ефремова, "особливо же здесь (в Самарканде. - М.А.) в великом количестве рождалась хлопчатая бумага, из которой прядут пряжу, а из пряжи ткут чадры, широкий холст, с которой в России делается полуситец, набойка (чити гулдор. - М.А.), кисей, пестриды, выбойки, фаты, буриеты, бязи и другие разные ткани, и отвозятся в другие государства еще множество черных, белых и серых овчинок" / 12, с.64-65 /.

В сельских местностях повсеместно (преимущественно) изготовлялась грубая хлопчатобумажная ткань (по-узбекски "буз"⁴). Красильное дело было развито настолько, что буз красили в восемь цветов.

В Самарканде хозяин крупных мастерских типа мануфактуры по производству бумажных тканей располагал 15-20 станками. Для таких предприятий характерным было то, что хозяин выполнял самые ответственные производственные операции. В середине XIX в. в нескольких гузарах города имелось 60 станков для изготовления адраса и 41 - для выделки канауса.

Источники свидетельствуют, что в Самарканде имелся особый базар, где продавалась ткань алача. Для продажи других видов тканей на городских базарах существовали мануфактурные торговые ряды "баззази".

В производстве хлопчатобумажной ткани следовало выполнять семь основных операций⁵. На ста станках, имевшихся в городе в середине XIX в., было занято 707 рабочих, включая возглавлявших их мастеров, что составляет около 15% занятости трудоспособного населения Самар-

3. Алача (алоча) - пестрая или полосатая (кадами) хлопчатобумажная ткань, употребляемая главным образом для изготовления калатов.
4. К югу от Самарканда (4 км) имеется селение Бузи, находящееся на территории к-за "Гулистан" Самаркандского сельского района, жители которого до конца XIX в. занимались изготовлением бязи-бузи.
5. Очистка хлопка от семян (пундона), расчесывание волокон (халлочи), вытягивание ровницы и прядение (калоба), изготовление основы (оно-вать), тканье, беление, нанесение рисунка. Первые три операции выполняли исключительно женщины.

канда.

Разделение труда в ткачестве представляет особый интерес, так как это производство при определенном уровне общественных отношений может осуществляться целиком в рамках одной семьи. Источники свидетельствуют, что "не было дома, где не было бы прялки и где не пряли бы ниток на продажу" / 13, с.27 /. Очистку хлопка от семян обычно проводили сами крестьяне, возделывавшие хлопчатник. Расчесывали хлопок профессиональные чесальники - наддофы. Прядением занимались главным образом женщины. Под влиянием разделения труда и роста спроса на разнообразные ткани ткачество развивалось интенсивнее, чем остальные виды ремесел. Хозяйство городского ткача было тесно связано с рынком.

Для прядения хлопка, а также шелковой ваты применялась само - прялка (чарк), веретено которой вращалось при помощи несложной конструкции - вращением рукоятки / 14, с.26 /. Исследователь технического производства Туркестанского края 60-х годов XIX в. М.И. Бородавский писал: "Размотка шелка производится при помощи станка чаркбача, состоявшего из большого колеса... Станок помещается вблизи очага, в который вмазан котел для распарки коконов" / 15, с.211//.

Для ткачества шелка и хлопка использовались станки, имеющие постоянные ремизы. Ряды основы на таком станке поднимались и опускались при помощи педалей, число которых для различных сортов тканей соответствовало числу ремиз, доходя при сложном ткачестве до восьми.

Среди бумажных тканей, производившихся в Средней Азии, алоча считается исконно самаркандской, хотя изготовлением ее занимались также ткачи Ургута и Камангарана. Высокий уровень техники ткачества, необычайное богатство и разнообразие узоров, сама живучесть этого производства, возрождающегося при первой к тому возможности, - все говорит за то, что производство алочи связано с древними народными традициями.

Изготавливалась также более плотная белая ткань различного качества, известная у европейцев под названием маты (у таджиков - карбос, у узбеков - буз). Лучший сорт ее, сотканный из тонкой и ровной кустарной пряжи, отбеливался специальными ремесленными шустгарами, и тогда назывался шуста (шуста, буквально "мытое") / 14, с.27 /.

Все ткацкие производства были строго специализированы, и каждая группа ремесленников, как правило, производила какой-нибудь один вид тканей. Однородные производства обычно объединялись и территориально,

концентрируясь в определенных районах города или пригородов. В Самарканде и его окрестностях ткачей-надомников (харчибаф) было очень много. Каждый работал на своем станке, но продукция изготовлялась из материала устокура.

Спутанные долгами и обязательствами ткачи в период безраздельного господства феодальных отношений находились на грани нищеты, чем и объясняются их антифеодальные выступления совместно с широкими слоями народных масс. Степень зависимости тем не менее мелких производителей от богатых мастеров, цеховых старшин, торговцев-скупщиков, ростовщиков, светских и духовных феодалов была разной. Одни ремесленники поддерживали с ними лишь деловые связи, другие попадали в личную зависимость от них. Имущественное расслоение и социальное неравенство наблюдались не только между мастерами и общей массой ремесленников, учениками, наемными работниками. Категория населения, определенная как мастера-устази, также делилась на несколько групп / 16, с.88 /.

В Самарканде было развито производство шелковых - "шохи" тканей, таких как адрас / 17, с.165 /, кимхоб (камка), "мисри", "банареси": парчадпо со сложным рисунком, малиновый бархат (с расцветкой клумбы - "пушти гулзор"), который вывозили во все земли и страны / 18, с.63 /, атлас с богатым и разнообразным орнаментом "абр" и др. Выделка шелковой ткани с мягким, густым, низким ворсом на лицевой стороне, каким является бархат, представляла для той поры чрезвычайно сложный технический процесс. Вырабатывался даже особый сорт бархата (бахмал и махмал) малинового и красного цветов / 19, с.12 /. Среди мастеров, изготовлявших шелковые изделия, славились пилкаш - размотчик шелка, кимхоббоф. В источниках упоминаются специальные мастерские по разматыванию коконов, торговые помещения для продажи.

Самарканд был одним из центров производства крупных декоративных вышивок - сузани, и шелка здесь требовалось много. Изготовление женщинами таких полуфабрикатов, как хлопчатобумажная пряжа и шелк-сирец, непосредственно было связано с рынком / 20, с.102 /. Большим спросом пользовались многоцветные шелковые ткани "шохи" и атлас с богатым и разнообразным орнаментом; "абр"⁶, полупшелковая алача (ипак

---

6. Абрбоф (или аурбов, абрбов).

алача, алачи абрешими⁷, хоссе⁸, адрас⁹, канаус (кановиз)¹⁰, бекасаб¹¹ и др. Термин "абр" для обозначения видов орнамента встречается в литературных источниках XVI в.

На рынках Самарканда продавались абровые ткани с расплывчатым "облакообразным" узором / 21, с.366 /. Наиболее дешевые сорта шелка были чесунча¹². Мастера-абробои изготавливали шелковую ткань, орнаментированную рисунками и расплывчатым контуром, нанесенным способом перевязки основы перед крашением.

В источниках XVII в. упоминается существовавший в Самарканде квартал золотошвейев (зардузон) / 22, с.117 /. "Орнамент золотого шитья был исключительно растительный, редко геометрический или линейный с украшениями из блесток (пуляк). Золотошвейное искусство (зардузи), - отмечает исследователь Г.А. Пугаченкова, - было делом исключительно мужским и в основном - придворным" / 23, с.388 /.

К новому этапу развития шелководства в Самарканде относится конец XVIII в., когда Шах-Мурад в 1785 г. переселил жителей Мерва - шелководов в Самарканд и освободил их от многих повинностей. Мервцы поселились в кишлаке Багшамал¹³, близ города. Исследователь производства шелка в Средней Азии Б.М. Китков писал по этому поводу: "Выделяют материи шелковые, полушелковые и бумажные. По назначению они разделяются на материи рубашечные и материи для халатов. И того и другого сорта существует много видов, носящих различные названия... Наиболее распространенные материи "кырымзы" (кошениль) и "алача"(полосатая)" / 24, с.3-4 /.

7. Алача (алоча) - пестрая или полосатая кустарная хлопчатобумажная или из шелка с бумажной тканью. Применялась для шитья халатов.
8. Хоссе - тонкая полушелковая ткань.
9. Адрас - полушелковая ткань. По техническим показателям близка к алаче и бекасабу, отличается своим абровым узором и более сильным лощением, доводившим поверхность ткани до зеркального блеска.
10. Канаус (кановиз) - сорт шелка. В Средней Азии известен под названием "шохи". По техническим особенностям ткань имела шелковую основу и уток, равных по толщине. См.: Сухарева О.А. Позднефеодалный город Бухара конца XIX-начала XX вв. - Ташкент: АН УзССР, 1962.
11. Бекасаб - сорт шелковой плотной материи сероватого цвета специально для шитья халатов узбеков (судей, муфтиев, мударрисов). См.: Семенов А.А. Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства и позднейшего времени. - В сб.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии: Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР. Т.25, вып.П. - Сталинабад, 1954.
12. Чесунча - чесуча-чучунча - "матон абрешими" - шелковая ткань. ○
13. Кишлак Багшамал называется также Ирани-Кишлак, Паяджоб.

Шелк-сырец существовал двух сортов: мотковный - кальява (низкий сорт) и катушечный - чилла или машвара (высокий сорт). Кальява шел на окраску и употреблялся для шитья и вышивки, шплетения шнуров, бахромы; машвара шел на изготовление тканей шой или "шохи"¹⁴.

Производство кальями было сконцентрировано в двух соседних кварталах - Йомини и Зомини, населенных узбеками, переселенцами из города Заамина и кишлака Йомз (в конце XVIII в. - М.А.). Выделкой чалы почти исключительно занимались жители кварталов Муборак и Культепа, потомки переселенцев из окрестностей города Ура-Тюбе, прибывших сюда

в конце XVIII в. / 14, с.27 /. Жители кварталов Ходжа-Зуль-Мурад и Мадраса-и Ханым занимались производством полушелковых адрас и бекасаб. Самаркандские цыгане занимались изготовлением чачвана (чаппабанд), сплетенной из конских волос / 25, с.195 /.

Шерстяные ткани изготовлялись главным образом за пределами города, в кишлаках, населенных некоторыми группами узбеков и арабов, больше связанных со скотоводством.

Самаркандские ткачи в результате тесных культурно-экономических связей с Бухарой, Ташкентом, Кокандом, а также другими городами Средней Азии, сопредельных стран Востока и Россией, совершенствовали свое мастерство, создавали новые сорта высококачественной продукции.

Краткое сообщение о производстве тканей в поздней средневековой Самарканде позволяет заключить, что навыки и приемы ремесленников на протяжении многих веков передавались из поколения в поколение; значительную часть трудового населения города составляли ремесленники, которые находились в феодальной зависимости от купечества и двора правителей, на который они и работали под надзором чиновников; от государственной власти зависело и назначение старшин цехов. Ремесленная среда не была однородной. Кроме свободных ремесленников существовали группы, находившиеся в разной степени "внеэкономической" зависимости, часть ремесленников находилась на положении рабов.

Образцы тканей самаркандских мастеров позднего средневековья хранятся в музеях Самарканда, Ташкента, Бухары, Душанбе, Ленинграда, Москвы и других городов страны.

---

14. "Шохи" - "царский", указывает на то, что одежду из этого вида ткани носили привилегированные слои населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЕЛЕНИЦКИЙ А.М. Организация ремесла в Самарканде XV-XVI вв. - КСИМК, УИ. -М.-Л., 1940.
2. Юлдашев М.Д. К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве в XVI-XVII веках. - Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 4.
3. АХМЕДОВ В.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVII вв.: Письменные источники. -Ташкент: Фан, 1985.
4. АБРАМОВ М.М. Самарканд в XIII-первой половине XIV вв. -Вопросы истории Узбекистана: Труды СамГУ, новая серия, вып.237. -Самарканд, 1975.
5. См.: Рисола сартовых ремесленников. Исследование, предание мусульманских цехов / Собрал и перевел М.Гаврилов. -Ташкент, 1912.
6. СУХАРЕВА О.А. Рисола как исторический источник. -В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. -М.: Наука, 1984.
7. БАЛКОВ В. Кустарно-ремесленная промышленность Средней Азии. -Ташкент, 1927.
8. БОЛЬШАКОВ О.Г. Город Средней Азии в конце VIII-начале XIII вв. -В кн.: Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. -Л.: Наука, 1973.
9. ИСТОРИЯ Самарканд. Т. I. -Ташкент: Фан, 1969.
10. МУНДИНОВА Р.Г. Скупщики товаров и поставщики сырья в Средней Азии XVI в.: Ближний и Средний Восток. -В кн.: Товарно-денежные отношения при феодализме. -М.: Наука, 1980.
11. ТРОИЦКАЯ А.Л. Каталог архива кокандских ханов XIX в. -М.: Наука, 1968.
12. РОССИЙСКОГО унтер-офицера Ефремова ныне коллежского Ассессора. Десятилетнее странствование и приключение в Бухаре, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда через Англию в Россию (писанное им самим). -СПб., 1786.
13. ЕРШОВ Н.Н. Каратаг и его ремесла. -Душанбе: Дониш, 1984.
14. СУХАРЕВА О.А. О ткацких ремеслах в Самарканде. -В кн.: История и этнография народов Средней Азии. -Душанбе: Дониш, 1981.
15. ТЕХНИЧЕСКИЕ производства в Туркестанском крае М.И.Бородавского. -СПб., 1875.
16. МУНДИНОВА Р.Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана: Конец XV-начало XVI вв. -Ташкент: Фан, 1985.
17. РЕМПЕЛЬ Л.И. Архитектура старого Джуйбара. -В кн.: Архитектурное наследие Узбекистана. -Ташкент: АН УзССР, 1960.
18. БАБУР З.М. Бабур-намэ. -Ташкент: Госиздат УзССР, 1948.
19. ЗИЯЕВ Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. -Ташкент: Фан, 1983.
20. КАРЫШЕВА Б.Х. О товарности женских промыслов (этнографические данные по восточным бекствам Бухарского ханства; Ближний и Средний Восток. -В кн.: Товарно-денежные отношения при феодализме. -М.: Наука, 1980.
21. РЕМПЕЛЬ Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. -Ташкент: Госиздат худож.лит. УзССР, 1961.

22. СУХАРЕВА О. А. Позднефеодалный город Бухара: Конец XIX-начало XX вв. -Ташкент: Сан, 1962.
23. ПУГАЧЕНКОВА Г. А. История искусств Узбекистана. -М.: Искусство, 1966.
24. ЖИТКОВ Б. М. О шелководстве в русских среднеазиатских владениях: Труды Комитета шелководства Московского общества с/х. Вып. IX. -М., 1907.
25. ПУГАЧЕНКОВА Г. А. К истории паранджи. -Советская этнография, 1962, № 3.

Ф. М. Каршиева

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ СОГДИАНЫ

Древняя история Средней Азии освещена источниками недостаточно и крайне неравномерно. Особенно остро ощущается отсутствие местной исторической традиции. Письменные источники, созданные за пределами Средней Азии, касаются истории только эпизодически, главным образом в связи с завоевательными походами на территорию этого региона. В результате этого некоторые исторические периоды отражены в письменных источниках слабо, другие же, сравнительно короткие (например, IV в. до н.э. - время похода Александра Македонского). - относительно подробно. В силу этого для истории Средней Азии большую ценность имеют археологические и нумизматические материалы. Археологическим источникам принадлежит ключевая роль в реконструкции прошлого народов Средней Азии. Только археологические материалы позволяют судить о ряде сфер материального производства, им принадлежит основная роль в выявлении систем расселения, в частности, типов поселений и их эволюции во времени. Без археологических материалов невозможно решить вопросы, связанные с характером и масштабами обмена, ряд важнейших проблем истории культуры и т.д. Археологические исследования в Средней Азии приобрели настоящую масштабность только после Великой Отечественной войны. В настоящее время здесь действует большое число крупных экспедиций, исследующих практически все области Средней Азии и все категории памятников.

Территория древней Согдианы состояла из трех оазисов - Самаркандского, Бухарского и Каршинского - расположенных в долинах рек Зеравшана и Кашкадарьи, западная граница проходила по пескам, восточная - по предгорьям. Древняя Согдиана была расположена в центральной части Среднеазиатского междуречья большей частью по течению ре-

ки Зеравшан, впадавшей в Аму-Дарью. Река Зеравшан, беря начало в горах Гиссарского, Зеравшанского и Туркестанского хребтов (следует учесть, что в этих районах в нее вливались более пятидесяти горных речушек), орошала Самаркандский и Бухарский оазисы. Реку Зеравшан, Страбон, со слов Ариостобула, называл Политиметом, объясняя при этом, что македоняне многие местные названия заменяли новыми, а некоторые частично переделывали. В настоящее время река полностью используется для орошения полевых площадей и поэтому, не достигая Аму-Дарьи, теряется в песках. Интересным является тот факт, что река Зеравшан и в древности выполняла ту же функцию. Так, Страбон писал, что Зеравшан - Политимет, оросив страну, не может достигнуть Окса (Аму-Дарьи) и ее остатки поглощаются песками /1, с. II, 6/. Ариан же, подчеркивая роль значения Политимета в орошении страны, прямо указывает, что там, где вода исчезает, начинается пустыня /2, III, 30/.

О том, что природно-климатические условия древней Согдианы были резко континентальными сообщает Квинт Рифом: "Армия Александра, - писал Квинт Курций Риф, - вынуждена была двигаться по ночам, так как жара, начинающаяся с восходом солнца, поглощала всю влагу в природе и совершенно изнуряла солдат. И далее: " жар летнего солнца воспламеняет пустыню; затем мгла, возникающая от чрезмерного накала земли, закрывает все" /3, УШ, I, 2-12/. Вероятно, на территории Согдианы дули такие ветры, как "афганец", поднимающие в воздух частицы лессовой пыли.

Территория древней Согдианы, простиравшаяся по течению реки Зеравшан и Кашкадарьи и занимавшая долину этих рек, а также степную полупустыню и предгорные зоны, благодаря разнообразию природных условий, давала возможность населению издревле вести бинарное хозяйство - земледельческое, с оседлым образом жизни. Исторические источники свидетельствуют, что на территории Согдианы жило также население, которое вело полуседлый образ жизни. Специфика природно-климатических условий, а именно возможность сочетания оседлого и кочевого хозяйства стимулировала ускорение развития материальной и духовной культуры населения древней Согдианы. Хозяйственное, экономическое сотрудничество, многогранные взаимодействия оседлого и кочевого населения Средней Азии подмечены были еще древними исследователями, в частности, античными авторами.

Население древней Согдианы было этнически однородным и чрезвычайно близким друг другу. Еще в 70-е годы прошлого столетия В.В. Григорьевым была высказана мысль о принадлежности населения Сред-

ней Азии к племенам арийского происхождения. Эту же мысль подтвердил и В.В.Бартольд. В настоящее время, когда историки имеют в своем распоряжении не только письменные источники, но и обильный археологический материал, ряд исследователей достаточно убедительно связывает проблему происхождения индоевропейских племен с культурой степной бронзы Средней Азии, Казахстана, Прикаспия и Причерноморья.

О древней Согдиане сохранились сведения письменных источников, хронологически относящихся к различным историческим эпохам, и что очень важно, нет источника, в котором не упоминалось бы о Согдиане или согдийцах. Так, в Авесте, сборнике проповедей, гимнов, молитв - содержатся многочисленные сведения, позволяющие не только реконструировать социальную структуру и экономику, но исследовать вопросы духовной культуры. Хорошо датированными, а поэтому особенно ценными, являются древние персидские, клинописные документы. Сведения в них предельно лаконичны и тенденциозны. Однако возможность отнести документы к определенному времени повышает их ценность как источников. В четырех документах упоминается Согдиана: в Бехистунской надписи, в Накш-и-Рустемской, в надписи Дарии I о сооружении дворца в Сузах и в Антидевовской надписи Ксеркса. Следующим источником, прямо или косвенно упоминающим Согдиану, является древняя историко-географическая, главным образом греческая, литература. Обильную информацию о Согдиане дают античные авторы, начиная с восточного похода Александра Македонского в IV в. до н.э.

Оазисы, входящие в состав Согдианы, изучались археологами неравномерно. Так, если уже в довоенный период сравнительно хорошо были исследованы памятники на территории Самаркандского Согда, то территории Каршинского и Бухарского исследуются главным образом в последнее десятилетие. И следует отметить, что именно эти районы являются перспективными, т.к. только в древнекаршинском оазисе выявлено более 400 археологических памятников. Находки ученых, ведущих планомерные стационарные исследования, дают возможность пересмотреть некоторые укоренившиеся позиции, например, о том, что на территории Согдианы, особенно в древнекаршинском оазисе, городская цивилизация возникла гораздо позже, чем в других районах Средней Азии.

Вследствие того, что столичный город Согдианы - названный античными авторами Мараканда, - исследуется на протяжении целого столетия и сведения о нем можно найти в учебниках истории для средних школ, в данной работе будет уделено внимание описанию другого, не

менее важного столичного центра Согдианы — Еркургана, расположенного на территории древнекаршинского оазиса.

Древнекаршинский оазис — небольшой по территории — на востоке окаймлен песками Кызылкума. Река Кашкадарья образовала плодороднейшую аллювиальную долину и именно она становится центром, где в настоящее время исследуются больше сотни археологических памятников. Начиная с 1946 года и по настоящее время здесь вели исследования Я.Г. Гулямов, С.К. Кабанов, М.Е. Массон, Р.Х. Сулейманов.

Как полагают ученые, городище Еркурган, расположенное в 10 км к северу от г. Карши, возникло в эпоху перехода от поздней бронзы к железному веку как крупное древнеземледельческое поселение в УШ-УП вв. до н.э. Древний город Еркурган был обнесен двумя рядами мощных оборонительных стен, а внутреннее ограждение было возведено в виде громадного пятиугольника, охватывающего около 40 га площади. Оборонительные стены через каждые 17-18 м имели башни. Еркурган в древности был крупным ремесленным центром. В восточной части городища археологи открыли квартал кермистов размером 600х200 м. На основе изучения 13 мощных слоев отходов керамического производства ученые полагают, что квартал керамистов функционировал с I по V-VI вв. н.э. И если многообразие форм, обработка столовой и кухонной утвари, изготавливаемой древними мастерами-керамистами вызывает восхищение, при этом необходимо иметь в виду, что керамика является материалом, дающим возможность датировать памятник и, кроме того, выявлять торговые и культурные связи.

На городище Еркурган наряду с цитаделью в пределах внешнего города были открыты остатки зороастрийской дахмы — место захоронения в древности и вскрыты остатки культового комплекса, причем археологи проследили пять его строительных периодов. То, что на городище Еркургана было найдено святилище, имеет очень большое значение: это первая находка на территории Согдианы, относящаяся к эпохе распространения зороастрийской религии. Как полагает археолог Р.Х. Сулейманов, в первом строительном периоде храм состоял из святилища в виде прямоугольного зала с нишами во всех четырех стенах, напротив входа находился углубленный в стену алтарь. Перекрытие поддерживали две круглые мощные колонны, изготовленные из трапецевидного жженого кирпича. Во втором строительном периоде все ниши храма были заложены, а в третьем строительном периоде святилище было разделено на три помещения, центральное выполняло функцию святилища и вместо древних алтарей, которые были заложены, был сооружен новый алтарь // С. 154

Археологами обнаружено большое количество культовых предметов - курильниц, жаровен, светильников. Курильницы и светильники сильно обожжены и закопчены изнутри. Часть ритуальной утвари украшена заостренными треугольниками. Для краеведов, конечно же, будет интересен тот факт, что, по традиционным поверьям населения Средней Азии, заостренные концы треугольников или колючего растения (кузтикан), подвешенные над входом в дом или над лодкой, должны были оберегать от дурного глаза. То есть, если храм возник где-то в I в. н.э., то обряд оберега проходит через тысячелетия и века и доходит до наших дней. Среди находок имеются разнообразные терракотовые фигурки коней. Терракотовые фигурки коней представляются для нас очень интересными, потому что в свое время Геродот, описывая жертвоприношения народов древней Средней Азии, писал, что "они верховному божеству - солнцу приносят в жертву лошадей, объясняя это тем, что самому быстрому божеству в жертву приносится самое быстрое животное" /9, с.27).

Таким образом, в результате многолетних, планомерных археологических исследований накоплен большой материал, который не только даст возможность изучить древнюю историю Согдианы, но и подтверждает правомочность многих оценок письменных источников, которые еще совсем недавно целым рядом ученых брались под сомнения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. СТРАБОН. География (XI, II, 6). -М.: Наука, 1964.
2. АРРИАН. Анабасис Александра. III, 30. -М. 1972.
3. КВИНТ КУРЦИЙ РУФ. История Александра Македонского. (VIII, I, 2-14) -М.: ГУ, 1963.
4. ГЕРОДОТ. История в девяти книгах. (IV, 10) -Л., 1972.
5. СТРАБОН. География (XI, II, 4) -М.: Наука, 1964.
6. БАГУРЧИН И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (III -66-67): т.2. -М.Л. 1950.
7. АВЕСТА. Фарчарт I, -В кн.: Поэзия и проза древнего Востока. -М., 1973.
8. ИСАМИДИНОВ М.Х., СУЛЕЙМАНОВ Р.Х. Еркурган. -Ташкент: Фан, 1984.
9. ГЕРОДОТ. История в девяти книгах (IV, 25,27) -М., 1972.

ЛЯВЛЯКАН - УНИКАЛЬНЫЙ ПРИРОДНЫЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Группа Лявляканских озер в Южных Кызылумах расположена в осевой части обширного тектонического прогиба, разделяющего Нуратинские горы и горы Сангунтау и Аристантау. Всего здесь насчитывается до 20 озерных ванн, которые образуют две параллельные цепочки, вытянутые в широтном направлении. Самое большое озеро, Лявлякан, протягивается узкой полосой с запада-северо-запада на восток-юго-восток на 5,1 км. Ширина его составляет лишь 0,5 км и только на западе озера расширяется до 1 км. Вторым по величине является расположенное восточнее Лявлякана оз. Кавгён. Оно достигает в поперечнике 2 км и имеет изометричную округлую форму. Вода в озерах сильно минерализована и совершенно непригодна для питья. В летние месяцы озера пересыхают и на дне их появляется пласт соли /I/. Пески, окружающие озера, обладают резко и глубоко расчлененным рельефом. Между песчаными холмами высотой 20-25 м расположены бесчисленные замкнутые котловинки-ячейки, на склонах которых нередко можно наблюдать карнизы погребенных карбонатных почв.

Феномен Лявлякана, привлечший внимание широких кругов научной общественности как в СССР, так и за рубежом, это поразительная для относительно небольшой территории - около 15 км² - концентрация памятников первобытной эпохи. Первая неолитическая стоянка была обнаружена в 1955 г. на северном берегу оз. Лявлякан Н. Н. Вактурской /Хорезмская экспедиция ИЭ АН СССР/. Стоянка дала массовый кремневый и керамический материал. В 1961-1962 гг. Э. Д. Мамедовым /ТашГУ им. В. И. Ленина/ здесь, в приозерных песчаных массивах было открыто 44 пункта с находками первобытной эпохи. К началу 60-х годов это было уже крупнейшим для бессточных пустынных районов Средней Азии скоплением стоянок неолитической эпохи. В связи с этим в 1965-1966 гг.

по инициативе А. С. Кесь и С. П. Толстова на Лявлякане осуществляется комплекс специальных детальных работ. Археологический цикл этих работ возглавил А. В. Виноградов, а палеогеографический - Э. Д. Мамедов. Результаты этих работ превзошли самые смелые прогнозы: археологический материал был обнаружен в 393 пунктах: объем его оказался настолько значительным, что и в настоящее время описаны лишь наиболее интересные коллекции, а опубликованная в 1975 г. монография А. В. Виноградова и Э. Д. Мамедова "Первобытный Лявлякан" является, по существу,

предварительной публикацией.

Хронологический диапазон собранного материала оказался довольно широким. Небольшая часть находок была отнесена к мустье, основная же масса кремневого и керамического материала Лявляканских стоянок была датирована А.В.Виноградовым различными этапами неолита. Довольно многочисленны и широко распространены в районе Лявляканских озер материалы ранней бронзы, в 40 пунктах обнаружена керамика степной бронзы. И, наконец, на северном берегу оз.Казген был обнаружен и предварительно обследован средневековый укрепленный каравансарай Курганкак. Как видно из приведенных материалов, район Лявляканских озер обладает богатейшим комплексом археологических памятников, нуждающихся в дальнейшем изучении и бережном отношении.

Однако район Лявляканских озер получил известность не только благодаря своим археологическим памятникам. Здесь впервые в пустынной зоне СССР были получены надежные данные о голоценовом увлажнении климата, известном в настоящее время под названием "лявляканского пльвиала". Выявление существенных колебаний климата в голоцене положило конец вековой дискуссии: о якобы однонаправленном усыхании Средней Азии и стимулировало дальнейшее развитие палеоклиматических исследований в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении.

Несоответствие между долговременным характером древнего заселения Лявлякана и отсутствием источников пресных вод уже само по себе наводило на мысль о более благоприятных в прошлом гидроклиматических условиях региона, обеспечивавших опреснение грунтовых и поверхностных вод. Однако именно в районе Лявляканских озер удалось выделить соответствующее голоценовому увлажнению ископаемые почвы, являющиеся, как известно, одним из лучших индикаторов палеоклиматических условий. Древние почвы Лявлякана хорошо выражены морфологически. Это, главным образом, плотные буровато-серые иловато-супесчаные почвы с мелкими карбонатными конкрециями. Они значительно отличаются от современных пустынных песчаных почв и физико-химическими свойствами, в частности относительно высоким содержанием ила и карбонатов. Впоследствии было установлено широкое региональное распространение почв, сформировавшихся в период лявляканского пльвиала в Кызылкумах, Каракумах и на Устэрте. Благодаря обилию разновременных археологических памятников, по их соотношениям с ископаемыми почвенными горизонтами было установлено, что формирование последних происходило вплоть до IV тысячелетия до н.э. включительно /2, с.210-255/.

Хорошая сохранность нескольких разностей древних почв и возможность их прямого археологического датирования привлекли внимание поч-

ведов, геохимиков и палеографов. Здесь проводили исследования И.Н. Степанов /Институт почвоведения и агрохимии АН СССР/, А.Г.Гагель и С.К.Онищенко /МГУ/ и многие другие. Однако в целом природа Лявлякана остается недостаточно изученной. Не вскрыты под пластом соли на оз.Лявлякан донные осадки, не ясны некоторые вопросы гидрогеологии района, не проведены крупномасштабные почвенная и геоботаническая съемки, не организованы орнитологические наблюдения, не завершены археологические работы и др. На Лявлякане могут и должны быть поставлены более широкие научные исследования по истории формирования пустынных ландшафтов в голоцене, по выяснению характера современной динамической фазы ландшафтообразования и прогнозу предстоящих изменений среды. Распространение подобных исследований на примыкающую к району Лявлякана часть Каракатинской впадины позволило бы расширить хронологический диапазон этих исследований на весь плейстоцен.

В свете изложенного, учитывая настоятельную необходимость сохранения в неприкосновенности уникального для пустынной зоны СССР археологического и природного памятника, а также отсутствие на территории Узбекской ССР специализированного пустынного заповедника широкого научного профиля, представляется целесообразным организовать в системе Министерства лесного хозяйства УзССР Лявляканский государственный заповедник. Думается, что в пределы этого заповедника или в качестве его участка должны войти и горы Сангрунтау с окружающими их предгорными шлейфами, что позволило бы охватить заповедным режимом все три основные типы ландшафтов Кызылкумов. Благоприятными факторами для организации заповедника здесь являются также наличие гидрометеорологической станции Машкудук и относительная близость геоботанического стационара Института ботаники АН УзССР - Аякгузуды /предгорья Кульджуктау/. Последнее обеспечило бы методическую помощь сотрудникам заповедника в процессе организации и налаживания геоботанических исследований. Нам представляется, что ученые Узбекистана и других союзных республик с энтузиазмом поддержат идею организации Лявляканского государственного заповедника.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. ВИНОГРАДОВ А.В., МАМЕДОВ Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. -Материалы Хорезмской экспедиции, вып.10. -М., 1975, с.3-12, 18-19.
2. Там же.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ДЖУРАКУЛОВ М.Дж., МАМЕДОВ Э.Д., АВАНЕСОВА Н.А., ТРОФИМОВ Г.Н. ХАБИБУЛИНА О.В. Природная среда и человек в голоцене Сред- ней Азии	4
ПАВЧИНСКАЯ Л.В. К истолкованию изображений на Малакурган- ском оссуарии	20
ХОЛМАТОВ Н.У. История исследования неолита Средней Азии в 1975-1980 гг.	32
ИБРАГИМОВ О.И., КУБАКОВ К.К. Традиционные строительные материалы и техника постройки жилищ в степных районах юж- ного Узбекистана (конец XIX - начало XX вв.)	36
АБРАМОВ М.М. Ремесленное производство Самарканда (ткачест- во) в XVI - первой половине XIX вв.	43
КАРШИЕВА Ф.М. Становление и развитие городской цивилиза- ции древней Согдианы	51
ДЖУРАКУЛОВ М.Дж., ХАБИБУЛИНА О.В., ХОЛМАТОВ Х. Лялякан - уникальный природный и археологический памятник	56

Са.план, 1987, поз.14

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Технический редактор Э. А. Османова

Подписано к печати 8.07.87 г. Рч № 41201.
Заказ № 136. Объем 4 п.л. Бумага типограф-
ская № 1. Формат 60x84¹/16. Цена 65 коп.
Тираж - 500.

Отпечатано на ротапринтере СамГУ, 703004.
г.Самарканд бульвар им.М.Горького, 15.

